

Ж. РОНИ-СТАРШИЙ

Вампирэх

Скан и обработка:

krestik

Путешествия Приключения Фантастика

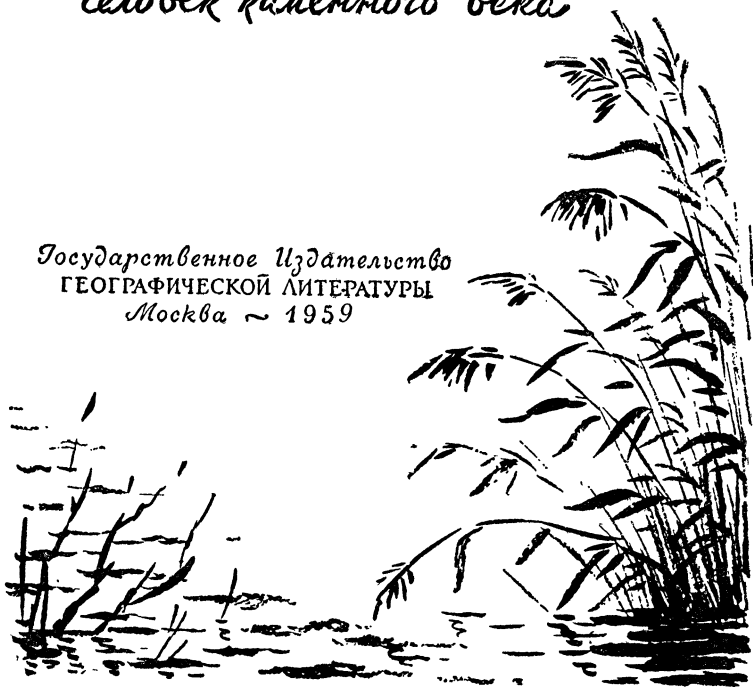

Ж.РОНИ-СТАРШИЙ

Вамирэх

Человек каменного века

Государственное Издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва ~ 1959

J. ROSNY AÎNÉ

VAMIREN

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ЖОЗЕФ РОНИ-СТАРШИЙ
ВАМИРЭХ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художник *А. М. Орлов*

Художественный редактор *С. С. Верховский*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *Е. Б. Скицарева*

Т—10181. Сдано в производство 21/VII—1958 г. Подписано в печать 29/X—58 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Физических листов 3, печатных листов 4,92.

Издательских листов 5,03. Тираж 250000.

Цена 1 р. 50 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.

Москва, Ж-54, Валуевская, 28.

Заказ № 2144.

I

НОЧНАЯ БОРЬБА

Это было в эпоху каменного века.

На равнинах Европы мамонты уже начинали вымирать; переселение крупных хищников в теплые, а северного оленя в холодные страны уже заканчивалось; зубр, тур, большерогий олень паслись в лесах и степях. Века прошли с тех пор, как гигантский медведь угас в глубине пещер.

В те времена рослые длинноголовые люди заселяли Европу от Балтийского моря до Средиземного и от востока до запада. Они жили в пещерах и вели кочевую жизнь, хотя у них уже начинали развиваться промышленность и искусство. Хрупким каменным резцом они делали рисунки, в которых можно было уловить стремление подражать природе.

Это было на юго-востоке, весной, в конце ночи. В пепельном полусвете обширной долины разносились голоса хищных зверей; в промежутках, когда они умолкали, за-

являла о своей жизни река, напевая мелодию волн. На эту песню шепотом отзывались ольхи и тополя.

На берегу реки, у выступа одинокой скалы, вблизи пещеры, служившей жилищем человеку, появился темный силуэт. Он стоял неподвижно, молча, внимательно прислушиваясь, взглядывая по временам на утреннюю звезду.

Его могучее тело дышало здоровьем; ночной ветерок ласкал его лицо; он без страха наслаждался звуками и тишиной девственной природы, с гордым сознанием своей силы.

Под утренней звездой обозначался бледный свет. Появился диск луны; лучи ее облили светом реку и деревья. Тогда выделилась и высокая фигура охотника с накинутым на плечи мехом тура. Его бледное широкое лицо было разрисовано суриком. Дротик с роговым наконечником свешивался у пояса; правая рука сжимала громадную дубовую палицу.

Лунный свет придал мягкость пейзажу; неясный трепет слышался в природе. Шептавшие серебристые листья тополей замелькали, как крылья бабочек, предметы задвигались, борясь с сумраком тени. Голоса зверей звучали глуше; борьба между крупными хищниками стала как будто менее ожесточенной в глубине соседнего леса.

Охотник, утомившись своей неподвижностью, направился вдоль берега реки легким, осторожным шагом человека, привыкшего к преследованию добычи. Пройдя тысячи полторы локтей, он остановился, прислушиваясь, держа дротик на уровне головы. На опушке кленовой рощи показался большой десятирогий олень.

Охотник колебался; вероятно, его племя было в изоляции снабжено мясом: он не захотел преследовать оленя и молча смотрел вслед удалявшемуся зверю, любясь его длинными, тонкими ногами, запрокинутой назад головой, красивыми очертаниями тела, освещенного красноватым отблеском зари.

— Ло! Ло! — вырвался у него сочувственный оклик.

Инстинкт подсказывал ему близость хищного зверя, какого-нибудь могучего животного кошачьей породы, преследующего добычу. Действительно, через несколько мгновений из-за скалы пещерных людей выскочил леопард, несшийся громадными прыжками. Человек, держа наготове дротик и палицу, ждал с напряженным внима-

нием, с возбужденными нервами, жадно вдыхая воздух... Но леопард пронесся, как пена на реке, и вскоре исчез вдаль. Тонкий слух охотника еще несколько минут улавливал его бег по мягкой земле.

— Ло! Ло! — повторил он, слегка взволнованный, не изменяя величественного, вызывающего положения.

Время проходило; луна выступала яснее; мелкие животные шевелились в прибрежном кустарнике; среди водяных растений квакали исполинские жабы. Человек наслаждался простой радостью жить среди раздолья вод, среди смены света и теней. Потом он опять отступил, вслушиваясь, всматриваясь привычным взглядом в ночной полумрак, угадывая его опасности.

— Э!? — вопросительно пробормотал он, прячась в тень кустарника.

Неясный топот сперва слышался в отдалении, потом стал ближе и отчетливее. На равнину снова выскочил олень, он мчался столь же быстро, но в его беге было меньше уверенности; он был весь в поту, дышал отрывисто и громко. В пятидесяти шагах за ним, почти настигая его, виднелся леопард, гибкий, изящный, без всяких признаков утомления.

Человек был удивлен и недоволен этой легкой победой хищника; его охватил воинственный порыв, ему вдруг захотелось вмешаться в борьбу, но в ней внезапно явилось нечто новое, ужасающее. Там, внизу, на опушке кленовой рощи, вся освещенная лунным светом, обозначалась крупная фигура. По глухому рычанию, по скачкам в двадцать локтей, по тяжелой гриве человек узнал льва. Несчастный олень, обезумевший от страха, сделал крутой, неловкий поворот и очутился в острых когтях леопарда.

После короткой ожесточенной схватки и отчаянного предсмертного вопля олень пал мертвым к ногам победителя, но леопард в свою очередь замер от ужаса: к месту битвы медленно приближался лев. Шагах в тридцати он остановился с глухим ворчанием. Леопард колебался: жадность и трусость боролись в нем; он подумал даже, не отважиться ли на борьбу со львом. Но голос властелина снова, еще громче, как сигнал к атаке, прозвучал над долиной, и леопард отступил. Низко склонив голову перед победителем, он медленно удалялся, ворча от бессильной ярости и унижения.

Лев уже разрывал оленя, пожирая огромными кусками отбитую добычу, не обращая внимания на побежденного, который продолжал отступление, дико озираясь в полумраке своими золотисто-изумрудными глазами. Соседство льва пробудило в охотнике осторожность; он еще тщательнее укрылся в своем лиственном убежище, но без страха, готовый ко всему, что бы ни произошло.

После нескольких минут жадной еды зверь остановился; беспокойство, испуг отразились во всей его позе, во вздрагивании его гривы, в трепетном внимании. Вдруг, уже не сомневаясь более, он быстро схватил оленя, перекинул его на спину и бросился бежать. Он уже пробежал несколько сот локтей, когда из кленовой рощи, почти на том же месте, где незадолго перед тем был он сам, показалось чудовищное животное. Среднее по виду между львом и тигром, но несомненно крупнее, оно казалось олицетворением силы. Страх пронизал человека до мозга костей.

Постояв несколько секунд, животное пустилось в погоню. Оно несло, как ураган, преследуя льва, направлявшегося в западную сторону; леопард неподвижно следил за этой сценой. Оба силуэта, все уменьшаясь, наконец, исчезли. Человек уже подумывал выйти из своего убежища, потому что леопард не внушал ему никакого страха, как вдруг лев появился снова: очевидно, он встретился с каким-нибудь препятствием вроде оврага или озера.

Охотник усмехнулся: его забавляло, что животное не умело рассчитать своего бегства; но он спрятался еще глубже, потому что оба врага направлялись почти прямо на него. Обремененный ношей и утомленный напрасными усилиями скрыться от преследователя, лев уступал в быстроте чудовищу. Положение охотника становилось опасным. Он оглядел местность: до ближайшего тополя было не меньше двухсот локтей; кроме того, пещерный лев (так звалось чудовище) умел лазить по деревьям; до скалы пещерных обитателей расстояние было вдесятеро больше. Охотник предпочел дожидаться развязки на месте.

Колебание его было непродолжительно. Через несколько секунд животные уже были около кустов, за которыми он скрывался. Увидя, что дальнейшее бегство бесполезно, лев бросил оленя и стал ждать. Эта обста-

новка, это затишье напоминало недавнюю минуту, когда добыча была еще в когтях леопарда. Кругом все было тихо; наступал час, возвещающий рассвет, час, когда ночные животные удаляются на покой, а дневные начинают пробуждаться.

Стоял предрассветный полумрак; вершины деревьев утопали в бледной мгле; трава трепетала каждым листиком под легким дуновением западного ветра; повсюду было смутно, неопределенно, как будто нечто таилось во всей природе — в лесу и в заводях, и в шелковистых тучках, тянувшихся по небу.

С вышины на землю еще смотрели звездные светильники, уже начинавшие угасать.

На возвышении в лучах месяца выделялась фигура пещерного чудовища с высоким горделивым профилем, с гривой, ниспадающей на пятнистую шкуру, с плоским лбом и выдающимися челюстями. Ниже виднелся лев, запыхавшийся, с часто поднимающейся грудью, с тяжелой лапой на олене; он чувствовал нерешительность перед колоссом, как недавно леопард перед ним; ужас и злоба светились в его зрачках. В полумраке, участвуя душой в этой драме, прятался человек.

Раздалось глухое рычание; чудовище, тряхнув гривой, стало спускаться с возвышения. Лев отступил, оскалив зубы, и на минуту бросил добычу; но вдруг, с отчаянием, с чувством оскорбленной гордости, он вернулся с рычанием еще более громким и опять вцепился в оленя. Это было знаком принятия вызова. Несмотря на свою необычайную силу, гигант не отозвался тотчас же. Неподвижно, весь сжавшись, он рассматривал льва, оценивая его силу и ловкость. Лев, с гордостью своей породы, стоял выпрямившись; ветер раздувал его гриву. Нападающий зарычал еще раз, лев громогласно откликнулся... и противники очутились на расстоянии одного прыжка.

— Ло! Ло! — прошептал охотник.

Пещерный лев перескочил это пространство и поднял громадную лапу; она встретилась с когтями врага. Несколько мгновений рыжие и пятнистые лапы оставались поднятыми одна против другой в последнем ожидании. Потом последовало нападение; челюсти врагов сцепились, гривы смешались, послышалось яростное рычание, показалась кровь... Сперва отступил лев под жестоким

натиском. Но он оправился, поперечным прыжком напал на врага сбоку, и борьба приняла нерешительный характер, так как нападение пещерника было отражено...

Но вот ужасный удар свалил льва на землю, и пещерник, мгновенно насев на него, принялся раздирать ему внутренности. Лев был побежден. Далеко по окрестности разносилось эхо его предсмертных рычаний, все более и более хриплых, более слабых, переходящих во вздохи, в стоны. Наконец, затихли и они...

Пещерник, неуверенный в смерти противника, продолжал терзать его труп. Наконец, успокоенный, он отбросил льва презрительным толчком и, хотя его плечи и грудь были покрыты широкими ранами, громким рычанием возвестил свою победу и новый вызов врагам, которые могли еще таиться в полумраке... День нараждался: серебристая полоска пробивалась внизу горизонта, луна бледнела, точно испаряясь. Облизав свои раны, пещерник почувствовал голод и направился к отвоеванному трупу оленя. Он был утомлен, логовище его было далеко, и он искал убежища в тени, где мог бы спокойно насытиться. Близость кустов, за которыми скрывался охотник, привлекла его внимание, и он решил унести туда свою добычу.

Очарованный величием битвы, человек все еще любовался победителем, когда вдруг заметил, что тот направляется прямо на него.

Дрожь физического страха пробежала по его телу, но он не потерял присутствия духа. Он думал, что после битвы чудовище, нуждаясь в покое и подкреплении, не потревожит человека в его убежище. Но он далеко не был уверен в этом; ему вспомнились рассказы стариков в досужие вечера о ненависти огромного хищника к человеку. Обреченный на постепенное вымирание, он как бы инстинктом чувствовал, кто был виновником исчезновения его рода, и каждый раз, когда встречался с человеком с глазу на глаз, вымещал на нем свою злобу.

Эти воспоминания проносились в голове охотника; он соображал, оставаться ли в случае нападения в своем приюте или выйти на открытую луговину. Правда, кусты ослабляли наступление, но зато на равнине легче действовать дротиком и палицей. Ему недолго пришлось колебаться: пещерник уже раздвигал ветви

кустарника. Тогда охотник, разом приняв решение, выскочил из-за кустов под прямым углом к отверстию, через которое направлялось чудовище. Услыша шум раздвигаемых ветвей, животное встревожилось, обошло кустарник, увидело человеческую фигуру и зарычало. При этой угрозе вся нерешительность охотника исчезла: он поднял копье, напряг мышцы и прицелился. Оружие заколебалось и впилося в горло хищника.

— Эо! эо! — крикнул охотник, потрясая высоко поднятой палицей.

Крепкий, красивый, могучий герой эпохи неустанной борьбы замер в ожидании со светящимся взглядом. Пещерный лев приближался съежившись и вдруг сделал прыжок. Человек с удивительной ловкостью отклонился в сторону и пропустил мимо себя чудовище; в следующую минуту, когда животное повернулось к нему, он сам перешел в наступление, и его палица опустилась, как гигантский молот; хребет зверя затрещал. Раздался короткий, сдавленный рев и шум падения; затем наступило безмолвие, и человек повторил воинственный, победный крик: эо! эо!

Но он все еще держался настороже, боясь нового нападения, и разглядывал зверя, его большие, широко раскрытые желтые глаза, его когти длиной в пол-локтя, гигантские мышцы, разинутую пасть, окрашенную кровью льва и оленя, все его могучее тело с светлым брюхом и черной с желтыми пятнами спиной... Страшный пещерник лежал мертвый; ему уже не придется больше наполнять ужасом ночной мрак! Человек ощущал в душе чувство блаженства; его волновала сладкая гордость; он точно вырос в собственных глазах. Радостный и возбужденный, смотрел он, как на востоке яркими красками разгоралась утренняя заря.

Первые пурпурные полосы показались на горизонте, и повеял утренний ветерок. Дневные животные одно за другим начали просыпаться; птицы, обращаясь к востоку, воспевали свою радость. Укутанная в легкую дымку тумана река сперва казалась тусклой, как олово; но туман быстро рассеялся, и на зеркальной поверхности ее уже отражались разноцветные облака, и заиграл целый мир красок и форм. Вершины больших тополей и крошечные стебельки травы затрепетали, охваченные той же волной жизни. Над дальним лесом появилось

светило; лучи его разлились по долине, перерезываемые тонкими бесконечными тенями деревьев. И человек простер руки в смутном восторге. Он еще не умел молиться, но уже сознавал могущество солнечных лучей и скоротечность своего собственного существования. Потом он засмеялся и опять испустил торжественный крик: — Эо! эо! эо!..

На краю пещеры появились люди.

II

ПЛЕМЯ ПЗАННОВ

В час утренней улыбки природы у края пещеры потухли головни костра после ранней трапезы. Погребальное дерево вышиной до ста локтей поднимало свои ветви, увешанные беловатыми скелетами почивших пещерных людей. Слабые порывы ветра по временам как будто пробуждали протяжные, размеренные вздохи в воздушной усыпальнице. Старик, присев на корточки, вглядывался дальнзоркими глазами в черепа, мелькавшие в тени ветвей, и вспоминал историю того или другого прославленного охотника, товарища своей юности, похищенного смертью.

Племя пзаннов наслаждалось весенним утром. Дети бегали и прыгали по луговине до самого берега реки; между ивами сидела полунагая молодая женщина и приводила в порядок рыжеватые волны своих волос; мужчины неторопливо обсуждали планы охоты и работ; почти все они обладали могучими мышцами, длинными энергичными головами воителей. Воины растирали в сосуде из кремня красный сурик вместе с мозгом туров; тоненькими кисточками из растительных волокон они расписывали себе лицо и грудь неуклюжими, переkreшивающимися линиями, грубыми воспроизведениями форм, встречающихся в природе. Некоторые обвешивали себе колени, лоб, шею, ноги драгоценностями — подвесками из клыков, просверленных у самого корня (зубов льва, волка, медведя, зубра, оленя), рыбьими позвонками, разными камешками и раковинами.

Племя пзаннов поднялось уже на ту ступень человечности, когда появляется любовь к труду и художественности. Это были охотники, но не хищники; у них

еще не было никакой определенной религии, но они уже сознавали, что, кроме видимого ими мира, существует какой-то другой, таинственный, непонятный. Племя пзаннов принадлежало к расе длинноголовых, населявших в то время Европу. Они мирно жили отдельными общинами, не зная униженного рабства и отличаясь суровым величием, благородством и добротой. Они занимали обширные области, в изобилии доставлявшие пищу, и благодаря этому среди них не могло зародиться инстинктов насильственного присвоения или низкой хитрости. Вожди племени, без принудительной власти, свободно избираемые, управлявшие только силой своей опытности и мудрости, не притесняли подчиненных.

После утренней трапезы и украшения себя началась работа женщин и тех из мужчин, которые не участвовали в охоте этого дня.

Одни тонкой иглой с ушком сшивали меха, в которых предварительно были проделаны маленькие отверстия каменным шилом. Другие обрабатывали свежие кожи лошилами и скребками. Третьи отделявали каменные топоры, ножи, пилы, резцы. Обтесывание камней легкими ударами, требовавшее необыкновенной ловкости и терпения, позволяло лишь медленно изготавливать лезвия и острия; благодаря постоянному обращению с материалом и проницательности, приобретенной долгим навыком, мастер почти всегда угадывал, в каком направлении выгоднее всего может быть направлен удар.

Другие исполняли еще более тонкую работу: они вырезывали из кости и рога шила, остроги и удочки; эти орудия были настолько тонки и точны, что человечество могло усовершенствоваться в изготовлении их лишь тогда, когда вместо каменных вещей стали выделять металлические.

Образчиком остроумной изобретательности могла служить игла: обломку кости придавали округлую форму посредством кремня с зазубринами, затем поверхность ее отшлифовывали тонкими песчинками и ушко просверливали вращающимся острием; эта работа производилась крайне медленно, под вечным страхом сломать хрупкое орудие.

Группа охотников собралась между тем у входа в пещеру.

Один из юношей, отличавшийся дальноркостью, влез на самую высокую скалу, чтобы оглядеть окрестность. Налево за рекой горизонт замыкался мягкими неопределенными тускло-фиолетовыми контурами леса. Прямо перед глазами расстилались долины, пологие котловины степи, с едва заметными плоскими холмами. Сзади высилась горная местность с вершинами, потонувшими в бледном отблеске облаков. Повсюду виднелись животные, бродившие по равнине: охотник различил табун лошадей и стадо туров. Он прокричал об этом громким голосом своим товарищам, указывая рукой место охоты. Услыша сказанное им, все отправились за оружием и через несколько минут вернулись, вооруженные луками, острогами, дротиками, палицами. Когда все были готовы двинуться в путь, старик-вождь оглянулся и крикнул:

— Вамирэх!

В ответ на этот зов на пороге пещеры появился молодой победитель пещерного льва. Он колебался между желанием продолжать начатое накануне изготовление плаща из шкуры убитого животного и желанием примкнуть к охотникам. Молодость, призыв пробудившейся от сна долины, возгласы товарищей взяли верх. Он вернулся в пещеру и показался вскоре вооруженный луком и палицей. Тогда все двинулись по направлению к северу. Мысль дикарей, возбужденная движением и впечатлениями прекрасного утра, скоро утомилась, и они смолкали один за другим. Вскоре с высоты холма они увидели стадо. Крупные травоядные паслись на равнине, расположившись треугольником на протяжении двух тысяч локтей в окружности; число их доходило до нескольких сот. Красноватые быки с мощными, как у львов, боками, широкими черепами медленным шагом расхаживали между коровами и телятами. Все это стадо представляло прекрасную картину спокойной мирной жизни и в то же время могучей силы общности.

По первому призыву своего вожака самцы должны были собираться для битвы. Благодаря смысленности диких животных, качеству, которое вследствие долгого рабства утратилось у их азиатских собратьев, они оказывались способными к правильной обороне и даже к самостоятельным нападениям.

Охотники остановились. Прикрытые холмом, они обсуждали план атаки. Строение местности и расположение животных представляли возможность действовать двояким образом: или, скрываясь за цепью поперечных холмов, напасть на стадо разом справа и слева, или же обойти стадо и напасть всем вместе из-за рощи диких смоковниц. Большинство охотников через несколько минут высказалось за первый план: второй, хотя и обещал в случае удачи больше добычи, казался менее надежным, так как случайность могла спугнуть животных прежде, чем охотники успеют добраться до своей засады.

Охотники разделились на два отряда: одним руководил человек с резным жезлом в руке — знаком его сана; во главе другого стал старик гигантского роста.

С обеих сторон движение совершалось правильно, с разумным использованием неровностями почвы.

Первый отряд, слегка опередив другой, почти приблизился к стаду на расстояние полета стрелы, как вдруг бык-вожак стал обнаруживать признаки тревоги. Подняв рыжую с белыми пятнами голову, он внимательно присматривался и прислушивался. Затем загремел его голос, красивый и величественный, как голос льва. Рассыпавшиеся травоядные встрепенулись и собрались в кучу. Сомнение продолжалось недолго; у всех дрожь пробежала по спине: был замечен враг, беспощадный двуногий враг, хорошо известный животным. Был подан сигнал, и громадное стадо разом сорвалось с места и бросилось бежать, потрясая топотом всю долину.

Отказываясь от своего плана, пещерные люди поднялись на цепь холмов, скрывавшую их до тех пор. Более проворные показали на вершине; животные, даже оставшие от бегущего стада, находились на расстоянии, в десять раз превышающем полет стрелы. Животные неслись быстро, и охотники ясно видели, что охота не удалась. Но наиболее пылкие из них, настоящие варвары победоносной расы, не слушая вождей, без всякого расчета, только соперничая друг с другом, пустились в погоню за быками. Трое из них в несколько минут приблизились к стаду на расстояние полета стрелы. Стрелы засвистели — один из быков зашатался, другой громко заревел. Тогда прогремел боевой клич.

— Эо! эо!

Снова посыпались стрелы — один из быков упал, за ним корова. Тогда два быка как бы решили пожертвовать собой: они остановились, давая стаду уйти. С минуты благородные защитники рыли копытами землю, устремив в пространство большие мутные глаза, и, наконец, кинулись на врагов.

Навстречу им летели стрелы, наносившие глубокие раны, но воинственные животные были как будто нечувствительны к ним и, чем более приближались к охотникам, тем более свирепели. Уверенные в успехе и не торопясь наступать, охотники рассыпались в разные стороны; но двое юношей переглянулись и стали прямо перед быками, один с копьем, другой с палицей в руке.

Охваченные волнением разыгравшейся драмы, остальные охотники остановились, образовав полукруг.

Первый бык, несшийся низко опустив рога, с ужасающей быстротой налетел на самого рослого из молодых охотников. Тот ловким поворотом уклонился в сторону и вонзил копьё в бок животного. Бык, обливаясь кровью, зашатался, но тотчас же бросился опять, не так стремительно, но более озлобленно. Оружие охотника во второй раз проникло в его внутренности, еще глубже, еще беспощаднее. Животное зашаталось и упало на колени, как будто готовясь принять смертельный удар. Но в ту минуту, когда опять поднялось копьё, бык вскочил на ноги и левым рогом поднял охотника. Однако охотник попал не на острие рога, а на выпуклую сторону его; ему удалось вовремя высвободиться, и третий, решительный удар, направленный в сердце, доставил ему полную победу.

— Теран убил большого быка! — закричал он.

Рядом происходил поединок другого рода.

В тот миг, когда Теран одолел своего противника, второй бык бросился на охотника, вооруженного палицей. Лицом к лицу человек отважно нанес удар и полагал, что раздробил череп животного. Но удар соскользнул, отклоненный поворотом рогатой головы, и сила его уменьшилась наполовину. Бык, как молния, набросился на охотника и протащил его с десятков локтей. Он топтал его копытами, рвал рогами, нанося в грудь смертельные раны. Охотники встrepенулись; взвилось несколько стрел, пущенных опытными руками; куч-

ка отважных бросилась выручать товарища. Разъяренное животное храбро двинулось на врагов. Стрелы дождем сыпались на него, одна за другой вонзаясь в его красивое тело; но это не уменьшало его стремительности. Встретив на дороге старика, не успевшего увернуться, бык опрокинул его. Низко опустив голову, он собирался уже поднять его на рога, но удар дротика в плечо заставил быка отскочить; между тем за стариком виднелся Теран.

— Теран! Теран! — закричали охотники.

Теран увернулся от нападения быка и нанес новый удар; но палица его скользнула по лопатке животного, и в тот же миг он очутился на земле; острые рога уже наклонились над ним, все считали его погибшим, но в эту минуту подоспел Вамирэх, быстрый и ловкий, с высоко поднятой палицей. Он подхватил Терана и отбросил его в сторону.

Тогда кругом раздались крики:

— Вамирэх силен, как мамонт!

Вамирэх знаками отверг помощь товарищей и, остановившись в нескольких шагах от быка, проговорил:

— Уходи, храбрец! Ты достоин того, чтобы жить и породить великое поколение, ты должен еще долго пастись на чудной траве этой равнины.

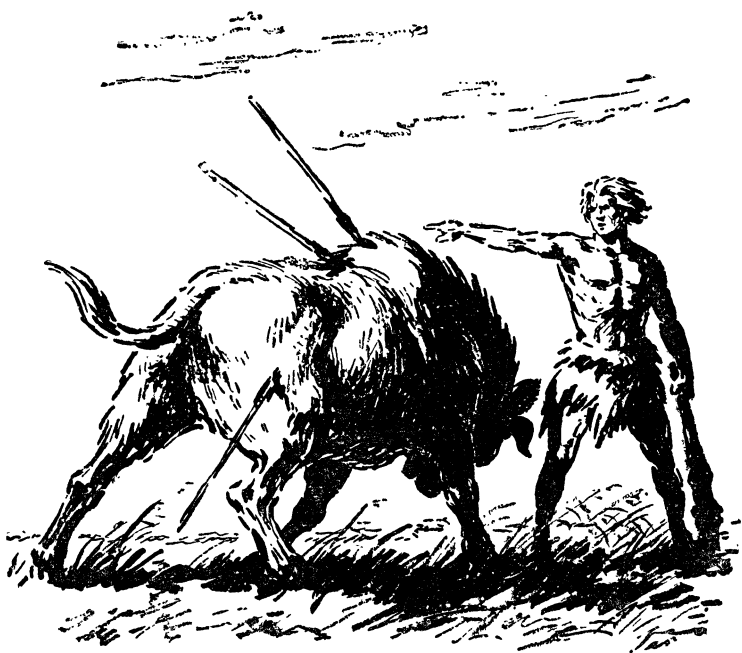
Бык неподвижно смотрел на охотника большими голубоватыми глазами, и в душе Вамирэха шевелилось сострадание к величавому животному, обреченному стать жертвой человека. Обессиленное потерей крови, животное все еще готовилось к битве и, низко опустив рога, выжидало нападения.

Но Вамирэх продолжал:

— Нет, храбрец!.. Вамирэх не тронет побежденного... Вамирэх жалеет, что равнина лишится храбреца, который мог бы защищать свой род от льва и леопарда...

Опустившись на колени, бык, теряя сознание, казался, слушал охотника. Вдруг голова его дрогнула, и слабое хрипение вырвалось из груди; он вытянулся и, закрыв отяжелевшие веки, испустил последнее дыхание.

Так окончилась охота, оставив после себя тяжелое впечатление. Пять быков, лежавших мертвыми на равнине, стоили жизни Вангабу, сыну Джеба. Воины пзаннов еще раз познали силу и храбрость быков, но чувства, волновавшие их, были похожи больше на печаль,

чем на злобу. Они сочувствовали последним словам Вамирэха, они знали, что травоядные необходимы для существования людей. Поэтому еще за тысячу лет до приручения животных люди старались умеренно пользоваться чужой жизнью и щадить все живые существа, за исключением хищников и паразитов; они всегда с любовью относились к могучим самцам, желая, чтобы стада оленей, быков и табуны лошадей увеличивались и давали отпор крупным хищникам.

III

ПОГРЕБЕНИЕ ВАНГАБА

В вечернем сумраке, когда солнце казалось уже огненным шаром, из пещеры выступили старцы и за ними все члены племени в глубоком унынии. Два молодых воина несли останки Вангаба; красноватый свет падал на

бледное лицо, на истерзанную грудь, словно прощальный привет дневного светила молодому существу, погибшему столь безвременно. Шествие медленно двигалось по луговине, и только глухие рыдания жены и матери умершего нарушали безмолвие этой сцены.

Наконец, процессия достигла погребального дерева, и носильщики поднялись на холм. Тогда к телу Вангаба приблизился старец, и все ждали его слова, потому что он пользовался славой человека, умеющего говорить народу. Некоторое время он оставался неподвижным, затем заговорил:

— Люди... Вангаб, сын Джеба... рожденный среди нас... был отважный охотник и искусен в работе... тур, леопард, гиена знали его силу... из останков убитых животных он умел готовить себе одежду и оружие... он делал орудия из благодетельного камня... Люди... Вангаб, сын Джеба, покинул жизнь... он больше не будет охотиться, он не будет снимать шкуру с животных, он не будет готовить орудия из камня... Он был нам верным товарищем... поэтому мы жалеем о Вангабе, сыне Джеба...

— Мы жалеем о Вангабе, сыне Джеба,— повторили все кругом.

Потом наступило молчание, еще более тяжелое; головы поднялись к погребальному дереву, на которое в эту минуту влезал один из самых ловких охотников. Он скользил с ветви на ветвь, среди скелетов предков.

Выбрав свободную ветвь, он потянул за конец бывшего у него в руках ремня, к другому концу которого было привязано тело Вангаба, и останки его медленно поднялись среди листьев. С теплого небосклона, с высокого неба веяло такой мягкой негой, таким чудным дыханием жизни, такой величавой тишиной, что товарищи Вангаба, его мать и вдова невольно забывали горечь и ужас смерти. Труп, наконец, прикрепили к ветке, и он слегка покачивался теперь среди скелетов. Умиравший день играл слабыми переливами на отменях реки, на вершинах гор, озаряя их волшебным, дробившимся светом. Скоро под погребальным деревом не осталось никого, кроме горсти родственников и близких друзей умершего. Сияние неба подернулось сумраком. Еще один день исчез в глубине прошлого. Охваченные дрожью, смешивая в своем неразвитом воображении

мысль о смерти с мыслью о ночи, доисторические люди с ужасом думали о смерти и в то же время как-то смутно мечтали о бессмертии.

Между тем молодая вдова лежала распростертая на траве; ее волосы рассыпались среди растений, как цветы плакучей ивы среди кувшинчиков пруда. Теран, друг Вангаба, почувствовал к ней жалость. Он стал шептать ей слова утешения; она подняла на него глаза и с благодарностью думала о том, что Теран, такой сильный между сильными, добр к женщинам и детям. Ночь спустилась на землю, волки завyli в равнине, с берега реки доносился хохот гиены, и крупные хищники выступали во всем своем могуществе.

IV ОСТРОВ

Вамирэх, сын Зом, несмотря на молодость, возбуждал удивление всего племени пзаннов. Ловкий и сильный охотник, прекрасно сложенный и могучий, он не лишен был и способности к искусству. Формы растений и животных захватывали его воображение. Он любил бродить один по холмам, пробираться по лесной чаще, плыть по течению реки не только днем, но и ночью, с наслаждением присматриваться к окружающему, улавливать скрытые стороны вещей. Длинноголовые обитатели тогдашней Европы не смеялись над подобными людьми, и к Вамирэху относились с глубоким уважением за его умение вырезать рисунки на кости, роге и выделывать выпуклые изображения из дерева и слоновой кости. Любя свое искусство, Вамирэх стал лучшим из художников всех племен, перекочевывавших к весне на юго-восток. По целым дням и неделям Вамирэх скрывался от своих товарищей, пользуясь уединением в каком-нибудь убежище, где он мог отдаваться работе. Произведения, которые он приносил из своих странствований, вызвали восторг всего племени. Ни Зом, его отец, ни Намира, его мать, не тревожились долгими отлучками сына, смутно веря в его счастье.

Однажды утром Вамирэх сел в свою утлую лодочку, готовую перевернуться при малейшем волнении, и стал спускаться вниз по реке, управляясь при помощи како-

го-то подобия весла. По мере того как скрывались из глаз убежища пещерных людей, река становилась шире, но мелководнее; ее течение перерезывали выступы скал, поросших мхом и лишайниками. Шум волн, дробившихся об утес, звучал величавой мелодией, глыбы камня местами возвышались с архитектурной правильностью и образовывали своды открытых залов, в которых свободно разгуливал ветер и слышались какие-то рыдающие отзвуки голосов.

На девственных берегах реки показался лес с гибкими ивами по опушке, с сероватыми тополями и плакучими ясенями, с березами, рассеянными по возвышенности, а позади них с целым миром растительных великанов, миром лиан и других чужеродных растений, борющихся между собой.

Вамирэх бросил весло, пораженный величием зрелища; он любовался дрожащими отражениями деревьев в воде, упивался разливавшимся в воздухе крепким ароматом. Головы травоядных мелькали между деревьями и высокой травой; стаи осетров поднимались по течению, касаясь подножия скал. Показался островок. Вамирэх принялся грести и, направив челнок к южной части острова, причалил к маленькой, окаймленной ивами бухте. Гигантские лягушки с испугом бросились в воду, водяные курочки и чирки взлетели в воздух. Вамирэх раздвинул ветви деревьев и очутился в укромном местечке; земля здесь была утоптана и трава выполота, очевидно, нарочно. Вамирэх, улыбнувшись, опустил руку в дупло ольхи и вынул оттуда скребки, пластинки, заостренные кремни, куски костей, дуба и тетивы. Несколько минут он оставался в безмолвном созерцании перед начатой статуэткой, еще бесформенной, у которой были отделаны только верхняя часть головы, лоб и глаза. Его охватывало блаженное чувство художника.

— Она будет окончена до наступления полнолуния! — воскликнул он, сбрасывая плащ.

Вамирэх отправился к челноку за запасом костей и зубов, который он привез с собой, и в течение нескольких минут колебался, продолжать ли начатую статуэтку или заняться вырезыванием на кости. Зубы пещерного льва всего более прельщали его; он несколько раз брал их в руки. Острием резца из кремня он на-

мечал на цих воображаемые очертания, прищулив глаза, закусив губу. Затем он отправился бродить по островку, внимательно осматриваясь кругом, как будто отыскивая модель — дерево, птицу или рыбу.

Он сорвал большой водяной лютик с желтым венчиком и пристально рассматривал его. Крупные лепестки цветка, покрытого нежным глянцем, тонкие тычинки, слегка розоватый стебелек приводили его в восхищение; но еще более привлекали его наружные очертания цветка, которые он мог воспроизвести своим резцом. Стараясь придать цветку естественное положение, он укрепил его ветками и наточил свой резец. С клыком пещерного льва в руке, весь погрузившись в работу, серьезно и страстно отдаваясь ей, он начал набрасывать легкий эскиз лютика.

Верная и гибкая его рука была вполне пригодна для художественной работы. Уже появился изящный контур с раскинувшимися лепестками и оконечностями тычинок на тонких, нежных ножках. Взволнованный Вамирэх остановился и еще крепче прикусил губу, прищулив глаза; работа была удачна — цветок изящно выступал на нежной белизне кости. Вамирэх тихо рассмеялся и прижал руки к груди. Но вскоре, недовольный несколькими штрихами, он стер их скребком и набросал вновь; однако опять было что-то не так: наступила минута борьбы, когда работа становится тяжелой, вызывает озлобление.

С жестами огромного ребенка, опуская руки, ударяя ими по бедрам и раздражаясь против вещей, которые держал, он раза два или три бросал резец. Упорство, свойственное его племени, вскоре заставляло его, однако, вновь браться за работу до тех пор, пока он не исправил все неверные линии. Тогда он встал, утомленный, и даже не захотел взглянуть на свое произведение. Грусть, чувство ничтожества перед природой охватили его душу. Долго он оставался возле реки. Это была пора хода рыбы; вода кишела разными породами ее, попавшими сюда из моря и направлявшимися против течения. Половодье уже миновало, и на реке реже попадались уносимые течением ветви и вырванные с корнем деревья.

Наступил полдень; тени стали короче, воздух колебался от жары, от поднимающихся воздушных струек;

но в сырости островка, под свежими ивами и ольхами, это время было очаровательно. Ниже, на противоположном берегу реки, Вамирэх увидел громадное рогатое животное, в котором признал зубра. Животное не спеша достигло берега реки, двигаясь по образовавшейся здесь каменистой плотине.

Сердце охотника встрепенулось при виде громадного млекопитающего; он с восхищением смотрел на его широкий лоб, склоненный над рекой, на его высокие ноги и могучую грудь.

— Эо! Здесь Вамирэх!.. Вамирэх! — закричал он пронзительным голосом.

Животное с удивлением подняло голову.

— Вамирэх оставляет тебе жизнь!

Зубр, кончив пить, удалился. Вамирэх достал кусок мяса тура, поджаренного заранее, утолил им голод, растянулся на земле и скоро заснул. Через некоторое время какой-то шорох разбудил его. Вамирэх увидел около полудюжины водяных крыс. Вскочив в один миг, еще с трудом открывая глаза, он тотчас же вспомнил о неоконченном рисунке. Взяв его в руки, он увидел, что вместо неясных контуров цветка, как он думал, был воспроизведен точный и изящный рисунок растения. Снова вооружившись резцом, Вамирэх углубил линии с большей тщательностью и, просверлив отверстие у стебля для подвешивания, улыбнулся, довольный своим новым украшением.

Но на этот день его творческие силы уже были истощены; он напрасно пытался работать над статуэткой: неодолимая усталость, какая-то неловкость сопровождали все его движения. Выбившись из сил, он спрятал материалы и инструменты в дупло и поглядел на небо, чтобы определить время. До вечера еще было далеко, хотя солнце уже начинало склоняться к закату, и под тенью деревьев чувствовалась свежесть. Целые рои насекомых кружились в воздухе, и над лесом собирались полупрозрачные облака. Вамирэх ощущал какое-то давящее чувство — следствие избытка здоровья, излишка запаса сил. В душе его шевелились неопределенные желания, мечты об охоте, об опасных предприятиях.

Далекie страны, лежащие ниже по течению реки, по ту сторону лесов, влекли его к себе. Неизвестные его племени, они возбуждали в нем живое любопытство.

Почему бы ему не отправиться туда? Юный и смелый, склонный к трудным предприятиям, привычный к одиноким странствованиям, побуждаемый художественным, пылким воображением, он повиновался этому желанию, которое все возрастало и приняло, наконец, вполне определенную форму.

Тогда, тщательно осмотрев свои дротики, палицу, острогу с двумя рядами зазубрин и убедившись, что течь нигде не угрожала его лодке, Вамирэх взял весло и, бодрый, радостный, пустился в путь. По мере того как он продвигался, лес становился гуще, а очертания берегов менее определенными благодаря иловатому перегною, подвижным наносам и растительным остаткам. Темноватая вода струилась медленнее, скалы исчезали, местами возвышались тысячилетние деревья, на выступах дремали громадные ящерицы, и крики попугаев покрывали все остальные величественные звуки природы.

V

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Когда вечерний сумрак окутал реку, Вамирэх сообразил, что заехал очень далеко в глубь леса. Он пристал к берегу, изжарил несколько кусков осетра, убитого острой на пути и, утолив голод, начал припоминать смутные предания своего племени.

Так, старец, переживший сто двадцать зим, но сохранивший свежесть памяти, рассказывал о разрушении гор. За три поколения до него весь юго-восток был загражден озерами и горами, за пределы которых ни пзанны, ни какое-либо другое племя, известное им, никогда не переступало. Но вот огни под землей вспыхнули, недра гор раскрылись, и бездна поглотила всю воду озер. Люди не могли оправиться от испытанного ужаса; целое поколение выросло, не смея проникнуть в новые страны. Наконец, Гарм, великий охотник, в сопровождении отца Таха и нескольких молодых смельчаков решили пробраться в ущелья, образовавшиеся после переворота. Таким образом были открыты великие степи юго-востока...

Над Вамирэхом шумели листья осины. Эти воспоминания волновали его, и он с завистью думал о славе тех,

кто, подобно Гарму, открывает отдаленные земли. Он припомнил еще и другие легенды: историю предприимчивых пзаннов, которые в течение столетия пытались пробраться за пределы леса; как одни из них исчезли без следа, а другие вернулись и рассказывали, что река течет без конца между большими деревьями и что опасности путешествия возрастают с каждым днем. Но эти рассказы не лишили бодрости нашего кочевника. Его любопытство и мужество еще больше возбуждались ночными звуками, скрытыми опасностями, какие везде представлялись ему в сумраке. Долго сидел он под деревом без сна. Когда же усталость дала себя почувствовать, он встал, вытянул на берег челнок и, выбрав сухое место, разостлал там шкуру пещерного льва. Потом, перевернув лодку, он укрылся ею, чтобы защитить себя от неожиданностей. Зажав палицу в одной руке и дротик в другой, Вамирэх, наконец, уснул.

Ни в эту ночь, ни в следующие хищные животные не тревожили Вамирэха, ночные чудовища бродили вокруг его лодки, но ни одно из них не пыталось напасть на нее. Вамирэх приставал и к островам и берегам, покрытым лесом. Повсюду было такое изобилие плодов и дичи, что он не терпел недостатка в пище. Не раз, при виде этого бесконечного леса, откуда вытекали большие потоки, изливавшие свои воды в реку, в душу Вамирэха закрадывалась грусть, и он начинал сожалеть, что отважился на такое предприятие. Он размышлял, что обратный путь будет еще тяжелее; воспоминания о тех, кто не вернулся из подобного путешествия, тревожили его. Его сердце прониклось глубокой нежностью при мысли о Зоме и Намире, его родителях, о младших братьях и сестрах. Конечно, Зому и Намире не раз приходилось ждать его возвращения в продолжение двух или трех четвертей луны, и они уже привыкли к его отлучкам; но кто может сказать, долго ли продлится его отсутствие на этот раз? Разнообразные препятствия все умножались на пути; всего более его затрудняли пороги, которые он мог миновать, лишь перетаскивая лодку по берегу между береговой порослью, по кочкам и корням, среди пресмыкающихся и хищных зверей. Переходы были трудны, но препятствия, по мере того как он преодолевал их, усиливали его настойчивость, его решимость добиться успеха.

Однажды утром Вамирэх поднялся от сна в то время, когда птицы оканчивали свои песни восходящему солнцу и утренняя роса капала с нижних ветвей деревьев, как мелкий дождь. Раздавшийся в ветвях шорох привлек его внимание. Он увидел какое-то существо, приближавшееся колеблющимся шагом, скачками и приседавшее на корточки; величиной оно несколько превосходило пантеру. При виде его четырех рук, лица с круглыми глазами и тонко очерченными ушами в уме Вамирэха шевельнулось воспоминание о рассказах Сбоза, того из пзаннов, который проник дальше других в глубь неведомого леса. В этом фантастическом существе с несоразмерно развитыми руками и сильно развитой грудью Вамирэх узнал лесного человека. Чуждые племенам Европы, а может быть и Азии, эти существа с течением времени отеснялись все дальше к жарким странам; в южных лесах, после того, как эта порода покинула свою родину, кое-где еще скрывались отдельные члены ее семьи.

Вамирэх почувствовал прилив симпатии к лесному человеку; выпрямившись во весь рост, он испустил призывный крик пзаннов. Лесной человек остановился встревоженный, вглядываясь своими круглыми глазами в чащу ветвей. Раздвинув ветви, Вамирэх внезапно появился перед ним и крикнул:

— Гой!.. Да будет с тобой счастье!

Лесной человек встал на ноги. Он был покрыт пушистой шерстью, с редкими волосами на голове, ростом был ниже Вамирэха, но гораздо шире его в плечах, и казался наделенным громадной силой. Вамирэх изумился при виде его свирепой наружности, его страшных челюстей, его нависших над желтыми глазами бровей, его черной шероховатой кожи. Но чувство симпатии к лесному человеку не уменьшилось: после стольких дней одиночества ему приятно было видеть подобного себе.

Сопровождая свои слова выразительным жестом, он заговорил опять:

— Вамирэх друг... друг!

Лесной человек заворчал, раздвинув губы, видимо сомневаясь в искренности намерений Вамирэха. Тот, зная бесполезность слов, попробовал объясниться жестами; но это еще усилило недоверие лесного жителя.

Не обращая на это никакого внимания, Вамирэх сделал несколько шагов к нему навстречу, но лесной чело-

век, сжав громадные кулаки, сверкая глазами, ударил себя в грудь и принял угрожающее положение.

Тогда Вамирэх закричал в негодовании:

— Вамирэх не боится ни льва, ни мамонта... ни коварства человека!

Лесной человек снова заворчал, но не трогался с места, сохраняя оборонительное положение. Видя это, Вамирэх молчал; гнев его стих, но любопытство все возрастало. Несколько времени оба они смотрели друг на друга, что, по-видимому, прогнало недоверие лесного че-

ловека. Напряженное выражение его лица исчезло, и в грубых чертах появилось спокойствие травоядного. И он тоже, хотя с меньшей определенностью, чем Вамирэх, соображал, что видит подобного себе. Но смутные инстинкты, быть может личные воспоминания или страх, унаследованные от предков, сделали для него присутствие человека неприятным.

Он не двигался с места, разглядывая своими янтарными глазами Вамирэха, но уже с меньшим недоверием. Вамирэх, убедившись, что тот не понимает его жестов и что с ним нет возможности объясниться, возвратился к своему челноку, чтобы спустить его на воду. Обернувшись, он увидел, что лесной человек идет за ним следом и с любопытством смотрит на него. А когда Вамирэх сел в челнок и поплыл, какое-то доброжелательное выражение обозначилось на сероватых тонких губах лесного человека, и волосатые руки его сделали какой-то неопределенный дружественный жест. Вамирэх тотчас ответил на него смеясь, извиняя лесному жителю его недоверие. Долго, пока углый челнок Вамирэха удалялся, между прибрежными растениями виднелось неподвижное, внимательное лицо.

VI

НОВАЯ СТРАНА

Дни проходили за днями; кроме леса, все еще ничего не было видно. Вамирэх начинал думать, что лесу не будет конца. Почему бы не быть ему границей мира? Пороги между тем начали попадаться реже и реже. Опасностей было тоже немного: один только раз пантера бросилась на него с соседнего дерева и немедленно поплавалась за это жизнью; много мучений доставляли ему насекомые, терзавшие его тело, и сильно надоедали разные гады.

На шестидесятый день пути растительность заметно поредела; показались просветы; в некоторых местах виднелись молодые поросли, деревья были уже не так мощны, и вековые колоссы стали исчезать. По другим признакам — по встречающимся животным, любящим открытые местности, по изменению почвы — Вамирэх мог предвидеть успех своего предприятия. Через два дня исчезли

последние его сомнения: на левом берегу реки выступили степи, лишь местами покрытые деревьями, которые все более и более редели.

На шестьдесят второй день Вамирэх причалил к маленькой бухточке и, вооружившись дротиками и палицей, пошел уже пешком по направлению к западу, чтобы исследовать местность. Почва была твердая; травы и кустарники все более брали верх над деревьями. Через несколько часов Вамирэх достиг вершины холма, господствовавшего над местностью. На севере виднелся бесконечный лес; на юге расстилались степи, перерезывавшиеся рошицами, открывалась страна, удобная для охоты и свободного общения между людьми. Это была новая страна, которую Вамирэху так хотелось узнать; вид ее наполнял его грудь чувством величайшего торжества.

Смеясь про себя, он думал об удивлении пзаннов, когда он расскажет им о своем путешествии, о восторге Зома и Намиры. Он долго оставался на холме в том же восторженном состоянии. Вдруг небо потемнело над головой его, облака пришли в движение; две огромные черные тучи, местами пронизанные светом, сошлись вместе. Промчался вихрь, крутя траву и пригибая деревья; молния прорезала тучу, раскаты грома величаво обрушились над лесом. Вамирэху гроза доставляла наслаждение: она вливала в него силу и бодрость, она отвечала его душевному волнению. Когда с неба хлынули потоки дождя, он обнажил плечи, испытывая отраду от низвергавшейся на него свежей воды.

Гроза скоро стихла; исчезли разорванные облака; на стебельках травы почти не оставалось дождевой влаги: жаждущая земля всю ее втянула в себя. После дождя Вамирэх продвигался вперед с новой радостью; последние следы леса исчезли; виднелась лишь беспредельная степь, кое-где пересеченная рощами. Рассеянные облака на мгновение прикрывали солнце; чуть заметная тень умеряла дневной зной.

Вечер приближался. Когда стало смеркаться, Вамирэх остановился у опушки роши и провел там ночь. На другой день он снова отправился в путь, решив возвратиться назад, если ничего не случится с ним, так как он уже нашел то, чего желал — новую область для охоты. Следы туров и зубров, большерогих оленей и лошадей, встречавшиеся ему, убеждали его в природном богатстве

этой местности, и он обдумывал обширную экспедицию молодых охотников своего племени на будущий год. Но к концу дня с ним случилось неожиданное приключение. Во время отдыха, когда он, приютившись под дикими смоковницами, доедал двух перепелок, убитых на пути, он увидел невдалеке женщину, двигавшуюся по направлению к нему. Она была маленького роста в одежде из древесной коры, перемешанной с листьями. Вскоре он мог яснее разглядеть ее: это была совсем молодая девушка, по наружности несколько не похожая на женщин его племени. У нее была голова не продолговатая, а, напротив, короткая круглая, овальное бледное лицо, большие живые глаза, окруженные черными ресницами, и длинные темные волосы. Вамирэх с любопытством смотрел на незнакомку, и вдруг в голове его мелькнула мысль, что было бы приятно взять с собой это странное, но красивое существо. Отец и мать давно говорили ему, что он должен выбрать себе жену, так как у всех его товарищей были жены; он привезет домой эту чужестранку, и она будет его женой. Долго обдумывать Вамирэх не умел. Девушка была от него шагах в десяти. Он внезапно выскочил из засады и бросился к ней. Она испуганно, жалобно вскрикнула и пустилась бежать. Несмотря на легкость и быстроту, с какой она бежала, Вамирэх очень скоро настиг ее. Чувствуя, что он близко, она остановилась, повернула к своему преследователю глаза, полные ужаса, и, простирая к нему руки с мольбой, заговорила что-то очень быстро. Вамирэх с удивлением слушал ее. Он не понимал ни слова из ее речи: очевидно, язык ее так же мало походил на язык его соплеменников, как и наружность. Но он не мог не понять выражения ее лица, ее жестов, и ему вдруг стало жаль перепуганную девушку; у него явилось желание успокоить, утешить ее. Он стал словами и жестами объяснять ей, что не хочет делать ей зла. Девушка немного успокоилась и в свою очередь с изумлением смотрела на светловолосого великана.

Она еще более удивилась, когда, отвязав одно из своих украшений из кости, он предложил его ей. С заметным недоверием рассматривала она очертания, вырезанные на маленькой пластинке: бегущего тура, преследуемого хищным зверем; она держала пластинку вверх ногами, не понимая ее значения. Вамирэх с улыбкой показывал

ей рисунок и жестаи пояснял его, но привел ее в еще большее смущение.

Однако взгляды Вамирэха и его восклицания успокаивали ее все более и более, и она теперь улыбалась. Обрадованный Вамирэх положил ей руку на плечо. Она отшатнулась с новым сомнением.

— Вамирэх добр,— бормотал он.

Вдруг она отпрыгнула в сторону и, взглядевшись в даль, ударила в ладоши. Вамирэх оглянулся в ту сторону и с неудовольствием заметил приближавшуюся к ним бегом группу людей. Девушка насмешливо показала ему рукой, чтобы он бежал на запад. Судорожно сжатыми руками он ощупывал свое оружие и пересчитывал приближавшихся людей; их было двенадцать, и все они были вооружены большими луками и копьями.

— Вамирэх не боится! — гордо проговорил он.

Незнакомка пошла навстречу приближавшимся; он последовал за ней и схватил ее за руку. Она начала отбиваться, испуская громкие крики. Тогда он схватил ее на руки и пустился бежать; он неся с изумительной быстротой, возбуждаемый криками преследующих. В первые минуты, казалось, победа была ему обеспечена. Преследовавшие его были ниже ростом, приземистее; они не казались столь привычными к погоне за дичью, как западные длинноголовые люди. Но они бежали легко и должны были устать не так скоро, как Вамирэх, которого стесняла ноша. Он направлял свои шаги на восток, туда, где оставалась его лодка. Пробежать надо было немало, и при таком быстром беге он все-таки не мог надеяться достигнуть этого места раньше, чем настанет ночь и луна будет высоко.

Прошел целый час; Вамирэх неся жестоко, все более и более опережая своих врагов. Смягченный свет заходящего солнца придавал янтарный отблеск степи; громадная тень охотника с его добычей быстро скользила по направлению к востоку. Вдруг Вамирэх, обернувшись, перестал видеть своих преследователей. Поднявшись на холм, он заметил, что их отделяет от него расстояние не менее пяти тысяч локтей. Улыбка торжества скользнула по его губам.

— Эо! эо! — воскликнул он и прибавил, обращаясь к молодой девушке:

— Вамирэх сильнее!..

Она повернула голову в сторону, оскорбленная его смехом и торжествующим возгласом. Он сел. Минут пять они молчали. Дыхание, сперва хриплое и резкое, понемногу стало равномернее; грудь его подымалась правильнее.

— Вамирэх сильнее... — проговорил он еще раз.

Между тем преследователи надвигались ближе — надо было опять спастись от них. Вамирэх вновь далеко опередил их; теперь уже стало очевидно, что не он, а они утомляются раньше. Их отряд, сперва державшийся вместе, разделился: трое или четверо уже не поспевали за товарищами. Остальные бежали дружно; никто не старался опередить других бегущих, смущаясь таинственностью приключения, огромным ростом и необычайной быстротой длинноногового охотника.

День угасал. Желтый свет разливался по степи, где все затихало; в воздухе разливалась какая-то грусть, и наступал час покоя. Рассеянные на равнине рощи распространяли вокруг себя свежесть. Рои насекомых высоко носились над влажными местами. Отовсюду слышалось мелодическое шуршание крыльев, щебетанье птичек. Это был час безопасности, когда дневные животные не страшатся бродячих хищников, когда крупные жвачные спокойно лежат на равнине без всякой боязни, когда в конце дня как будто возрождается молодость утра.

Бег Вамирэха становился все медленнее и затруднительнее; но позади его погоня, по-видимому, прекратилась. Вплоть до горизонта не замечалось людей, вооруженных луками; охотник напрасно старался различить их с высоты холма. Во второй раз он отдался отдыху и спустил на землю молодую девушку. Печальная, она стояла около него, сознавая бесполезность всякой попытки к бегству. Вамирэх чувствовал себя слишком утомленным, чтобы высказывать свое торжество; он испытывал тревогу, чувствуя невозможность бежать далее. Впрочем, его успокаивала мысль, что и преследователи его должны были тоже выбиться из сил.

За время бега Вамирэх и его спутница не обменялись ни единым словом. Надвигался вечерний сумрак. На западе медленно и величаво гасли бесконечно разнообразные лучи солнца. Вдруг Вамирэх вздрогнул: он увидел, что его спутница наклонила голову и протянула руки к небосклону, произнося какие-то слова заходящему све-

тилу. Сын западных охотников, не знавший священных обрядов, исполненный лишь смутных суеверий, Вамирэх не понимал того, что делала обитательница востока; он с любопытством и даже с тревогой смотрел на нее, но не мешал. Когда взошла луна, он сказал ей:

— Пойдем!

Она поняла его движение и без сопротивления пошла рядом с ним. В ночном уединении, когда волк и шакал начинали завывать в степи, он становился ее защитником. Она с большим вниманием рассматривала его массивную палицу, перекинутую через плечо на перевязи. В ее душе зарождалось чувство кроткой покорности. А он, подавленный усталостью, был молчалив; прежней энергии уже не было в нем. Долго их силуэты двигались рядом. Луна поднималась. Степь начинала все больше и больше покрываться рощами; группы деревьев возвещали близость леса; лунный свет серебрил траву. Вамирэх думал, что его спутнице нужны пища и сон; сам он хотел только пить.

— Отдохни! — сказал он, — Вамирэх будет охранять тебя от зверей.

Она покорно села. В том месте росли три дикие приземистые смоковницы, распространявшие аромат весны. Трепетный свет луны струился сквозь листву деревьев, и дочь востока следила за ним грустным взором. Она как будто видела в нем свою беспомощность, ей вспомнились семья, родное племя, вечерние костры, жрецы, стада азиатских быков, и слезы текли из ее глаз.

Вамирэх между тем внимательно вглядывался в пространство. По временам обрисовывались неясные профили хищников, вдали был виден убежавший олень. Но вот, нюхая воздух, к смоковницам приблизился волк; почти в ту же минуту выпрыгнуло какое-то испуганное животное: это был заяц. Он побежал по кривой линии. Вамирэх выждал, пока заяц очутился на самом близком расстоянии от него; его дротик поднялся, просвистел в воздухе — и зверек свалился в траву. При виде охотника волк обратился в бегство, а Вамирэх спокойно подобрал добычу.

Быстро содрав шкуру с животного, он повесил его на ветку; затем, набрав сухой травы и сучьев, он вынул из мешочка кремни, при помощи которых его племя обыкновенно добывало огонь, разостлал сухие волокна и стал

высекать искры. После нескольких попыток показалось пламя, сперва чуть заметное, потом все больше и больше разгоравшееся, благодаря искусно подкладываемым пучкам горючего материала. Заяц начинал поджариваться. Азиатка при виде огня склонилась перед ним так же, как некоторое время тому назад склонялась перед заходящим солнцем, произнося подобные же благозвучные слова. Вамирэх, не обращая на нее внимания, продолжал свое дело. Когда заяц был готов, он предложил его своей спутнице, и они молча принялись есть.

Их ужин скоро окончился. Он был слишком утомлен, а она слишком взволнована, чтобы есть много; но их мучила сильная жажда: нельзя было и думать об остановке на ночь прежде, чем будет найдена вода. Они снова пустились в путь; но их поиски продолжались недолго. Отойдя менее тысячи шагов, Вамирэх различил журчание воды, и вскоре показался ручеек, из которого они и утолили жажду.

— Спать! — сказал Вамирэх.

При бледном свете луны лицо его казалось печальным и утомленным, но не свирепым. Однако молодая девушка продолжала бояться его: она села на землю, прислонилась к стволу березы и полузакрыла глаза, решившись не спать.

Но усталость скоро взяла свое: не прошло и часу, как она уже спала крепким сном. С Вамирэхом случилось то же: тихое журчанье ручья очень скоро убаюкало его, и луна уже начала склоняться к закату, когда он проснулся. Беглым взглядом он удостоверился, что его спутница не убежала, потом поднялся на ноги и стал внимательно оглядывать степь. Не замечалось ничего подозрительного, и юноша заключил, что его преследователи покинули молодую девушку, или же утомлены более, чем он. Чувствуя себя бодрым и окрепшим, Вамирэх решил воспользоваться выгодой положения и продолжать путь. Кремневым ножом он разделил пополам оставшуюся часть зайца и съел одну половину. Потом, освежив голову водой ручья, разбудил девушку. Она медленно приподнялась с растерянным видом, с сонными глазами. Когда сознание действительности возвратилось к ней, на лице ее появилось выражение грусти; она тоскливо смотрела на степь, озаренную луной, на краснеющее светило ночи, приближающееся к закату. Однако она не от-

казалась от скромного завтрака, предложенного Вами-рэхом, и с наслаждением принялась разрывать зубами жареного зайца.

VII

ПОГОНЯ

Вскоре после рассвета Вамирэх и его спутница достигли, наконец, реки. Челнок оставался нетронутым в тех же кустах, где был спрятан; Вамирэху пришлось только перенести его на себе и спустить на воду. Но когда он хотел, чтобы молодая девушка села в лодку, она выказала такое отчаянное сопротивление, что пришлось принудить ее к тому силой. Впрочем, когда лодка отчалила, она с грустью покорилась своей участи.

Вамирэх, держась близко к берегу, где легко было идти против течения, стал медленно подниматься вверх по реке. Было прелестное время дня: косые еще не жаркие лучи солнца придавали всей степной природе что-то молодое. Деревья попадались все чаще и возвещали приближение леса. Вамирэх надеялся быть там прежде, чем солнце высоко поднимется. Он работал веслами не более получаса, когда тревога опять охватила его. Своими зоркими глазами он заметил вдали на равнине группу людей или животных. Вскоре сомневаться уже было нельзя: это были люди, походившие на вчерашних преследователей,— по всей вероятности, те же самые. Благодаря сплошной стене деревьев Вамирэх мог рассчитывать, что его лодка не скоро будет замечена, сам же он мог из-за деревьев наблюдать за ними. Они двигались не спеша и часто останавливались; охотник понял, что они идут по его следу. Он скрыл это от своей спутницы и принялся грести еще сильнее, с намерением достигнуть леса и высадиться на другом берегу. Однако через несколько минут и молодая девушка заметила приближавшихся к ним людей. В чертах ее мелькнуло оживление, и легкий крик вырвался из ее груди; она обернулась к своему похитителю и посмотрела на него умоляющим взглядом. Он в смущении опустил глаза. Но тотчас же им овладела досада, и суровая решимость заставила его проговорить так же, как и вчера:

— Вамирэх сильнее!

Она сидела неподвижно, но следила украдкой за приближавшимися людьми. Вамирэх рассчитал, что если ему удастся скрыться из виду прежде, чем его преследователи будут настолько близки к берегу, чтобы ясно видеть реку, перед ними неизбежно встанет трудная задача — определить его дальнейший путь: спустился ли он вниз по течению, поднялся ли вверх или же переправился на другой берег и продолжает путь к востоку. Сохраняя ту же скорость, с какой двигалась теперь его лодка, он мог бы достигнуть длинного узкого островка, поросшего деревьями, видневшегося уже на расстоянии каких-нибудь двух тысяч локтей. Там, когда он повернет вправо, преследователи не в состоянии будут различить его. Тем не менее Вамирэх мог только приблизительно определить расстояние и скорость движения, и его спасение могло зависеть от каких-нибудь десяти локтей. Поэтому он принялся грести изо всех сил и быстро приблизился к острову. Но в то же время и преследователи его подошли к реке. Он пережил минуту сильнейшей тревоги, когда увидел, что один из них остановился, и заслоняя рукой глаза от солнца, стал вглядываться по направлению движения лодки. По тому, как он опустил руку, Вамирэх догадался, что преследователь ничего не заметил; но вместе с тем группы деревьев на берегу становились все менее густыми, и кому-нибудь легко могло прийти в голову всмотреться пристальнее между ними. К счастью, остров был уже близок. Еще несколько ударов веслами, и Вамирэх будет у мыса. Но вдруг его спутница, поняв отчаянный маневр своего похитителя, поднялась в лодке и испустила крик. Вамирэх еще несколько раз взмахнул веслами, обогнул мыс, поросший кустами, и сказал гневно: — Молчи!

Он схватил сильной рукой девушку и потряс ее. Она испугалась и покорно поникла. В течение нескольких минут он был гневен и лицо его пылало; потом он успокоился, убедившись, что крик не был услышан. Юноша всматривался в степь. Несомненно, он значительно опередил своих преследователей. Они медлили, колебались, дойдя до места, где следы туров смешивались со следами Вамирэха, и, очевидно, не могли еще осмотреть реку. Вамирэх с торжественным жестом указал на них своей спутнице, говоря:

— Им никогда не отнять тебя... никогда!

И, заставив ее сесть в лодке, он взялся за весло и стал подниматься вверх по реке, близко держась острова.

В течение некоторого времени лодка подвигалась вперед среди полной тишины. Остров расширялся, весь заросший перепутанной растительностью, деревьями, оплетенными лианами. Местами показывались колоссальные жабы и болотные птицы. К весеннему благоуханию, к аромату цветов примешивался запах перегноя, земноводных животных, заплесневелого дерева, поднимавшийся из полумрака лесной чащи. На каждом шагу приходилось огибать мысы, повсюду скрытые под водой речные растения затрудняли движение лодки. Нагибавшиеся над водой ветви ясеней и ольхи задевали Вамирэха и его спутницу.

Вамирэх прошел уже половину пути; далее остров начал суживаться, заостряясь, как нос корабля. Вода засинела, и вскоре река открылась во всю ширь; на расстоянии трех тысяч локтей вырисовывался лес. Вамирэх понимал, что, держась левой стороны, он благодаря удлиненному острову не будет замечен, пока его враги не достигнут места, откуда видны оба берега реки. Даже в том случае, если бы они переправились на другой берег, он все-таки мог бы попасть в лесную область незамеченным, а там свободно плывущий по воде всегда будет иметь преимущество перед идущими по берегу, где беспрестанно затрудняется их путь.

VIII

БЕГСТВО

Снова ночь... На многие мили раскинулись леса, полные жизни, полные движения разных существ; неумолкающий шорох раздается на поверхности земли, высятся деревья, вздрагивая от мимолетного прикосновения ветра; звери, гонимые голодом и страхом, бродят кругом, и с высоты на землю смотрит бледно-янтарное светило, блуждающее по пустынному небесному своду.

Между поросшими мхом скалами Вамирэх устроил временное убежище, его он покрыл и окружил большими ветвями, переплетенными лианами. Оно могло служить крепкой защитой: если бы какой-нибудь хищник

осмелился напасть на него, Вамирэх успел бы сквозь отверстия нанести ему смертельный удар пропитанным тонким ядом острием дротика, насаженного на ясеневую рукоятку. Около середины ночи царапанье разбудило Вамирэха, и он стал приглядываться. Волки бродили кругом убежища, пантера промелькнула на границе света и тени. В то же время раздались хриплые звуки, и Вамирэх увидел силуэт тигра, пожиравшего антилопу.

Уже третью ночь он и его спутница проводят в лесу, а Вамирэх не знает, продолжается погоня или нет. Бегство было нелегкое: много имелось скрытых опасностей и в реке и в лесу; но он все превозмог.

Раздался треск ветвей, тяжелые шаги слышатся в прогалине; волки скрываются. На берегу показался мамонт. Его могучее тело поддерживается ногами, напоминающими колонны; белые клыки сверкают в лучах месяца. Его томит беспокойство, а может быть, нетерпеливое желание освежиться в волнах реки. Он величественно приближается, и даже тигр отступает, унося свою добычу. Вамирэх, взволнованный, любитесь громадным животным. Он питает к нему уважение, внушенное стариками; он знает, что это животное мужественно и миролюбиво; ему знакома грустная история его вымирания.

— Ло! Ло! — говорит он ему.

Оно подходит еще ближе, его широкая голова явственнее обрисовывается в полусвете. Вамирэх различает его шерсть, мерно покачивающийся темный хобот, могучие бока. Животное почти задевает убежище человека, затем удаляется и исчезает, направляясь к реке. Вамирэх, подумав, что он может дать себе еще покой на некоторое время, ложится и закрывает глаза. Слабость охватывает его; мысли переходят в грезы, потом точно удаляются, и ровное дыхание указывает, что сон овладел им.

В это время открываются черные глаза его спутницы. Она прислушивается к шуму леса и вздыхает. Ее преследует мысль об освобождении. Что, если бы она решилась, пока он спит, раздвинуть ветви шалаша и убежать на восток в страну, где обитает ее племя? Но Вамирэх, несомненно, услышит и проснется; она дрожит при одной мысли о крике гнева, какой у него вырвется тогда. Она не может забыть тех, среди которых протекло ее детство, членов своего рода, своей семьи и людей, говорящих на

одном языке с нею. Ах, если бы у нее хватило смелости! Но еще более, чем гнев Вамирэха, ее пугают жестокие опасности, скрывающиеся в большом кроважном лесу, и ей ясно представляется, насколько она была бы беспомощна без палицы и копья своего похитителя.

Среди тревог и опасностей поспешного бегства Вамирэх и Элем — так звали девушку — понемногу познакомились друг с другом.

Временами ему удавалось слышать от нее песни, которыми люди ее племени сопровождают свои работы. Он слушал ее с откровенным восторгом, следя за тактом, привыкая к звукам незнакомого языка. Как дитя, начинающее лепетать, он повторял за ней напевы, старался подражать ее выговору, приучался обозначать предметы на ее языке. Она в свою очередь с любопытством рассматривала его оружие: разного рода копья с раздвоенными наконечниками, с острым основанием, входящим в отверстие рукоятки; гладкие или зазубренные остроги, кинжалы, ножи. Но всего более ее восхищали тонкая игла с ушком и нитки из сухожилий северного оленя: эти предметы были неизвестны в ее племени, которое знало искусство плетения растительных волокон, но еще не шло далее употребления шила. Не меньше поражали ее резные фигуры и вырезанные рисунки; ее удивляло необходимое для их производства терпение, точность линий, верность наблюдения. Она с любопытством слушала Вамирэха, который пытался разъяснить ей образ жизни пзаннов; следя за его жестами, она старалась составить себе понятие о пространстве земли, заселенной ими, об их обычаях и жилищах.

Вамирэх и Элем все-таки мало понимали друг друга и потому не могли вдаваться ни в какие подробные разговоры. Они проводили долгие часы в ходьбе, в охоте, в приготовлении пищи. Она покорно подчинялась его распоряжениям и позволяла вести себя, куда он хотел.

Он относился к ней кротко, дружелюбно, без всякой грубости.

IX СРАЖЕНИЕ

С самой зари челнок скользит в прохладе по широкой реке. Могучий свет льется сверху через просветы листвы. Вдали уступами виднеются острова, и отражения де-

ревьев около берега; их черные тени, трепет жизни полны чудной красоты. Кругом чернеет лес, как мрачная пещера с тысячью зияющих отверстий, наполненных звуками жизни, грозное убежище вечной борьбы, приют соперничающих пород, засада для нападающих и оплот для защищающихся, общий источник припасов для зерноядных и плотоядных, для гадов и птиц.

Вамирэх держит в руке острогу с зазубринами, намереваясь сразить какую-нибудь рыбу. После долгих переходов последних дней необходимость отдыха часто заставляет его останавливаться ради незначительных причин: починки оружия или одежды, выслеживания животных с вкусным мясом. В это утро он увлечен рыбной ловлей. Уже два раза он промахнулся: животное исчезало в водяных струях скорее, чем успевала опуститься рука человека; он в третий раз опускает острогу, и острый конец ее вонзается в молодого осетра. Рыба извивается и трепещет; зазубрины оружия не дают ей сорваться с него, но от содроганий жертвы легко может лопнуть веревка, связывающая наконечник с рукояткой, остающейся в руке охотника, и Вамирэху приходится ловко маневрировать, чтобы избежать слишком сильных толчков. Он гребет левой рукой, а правой тянет добычу к берегу; там он еще глубже вонзает острогу, затем поднимает и бросает на берег окровавленного осетра.

Он поспешно готовится к обеду. Сухие сучья, травянистые стебли, охваченные пламенем, быстро превращаются в груды серого пепла, куда Вамирэх зарывает разрезанную на куски добычу. Через некоторое время он вынимает ее, и молодые люди с жадностью едят вкусную, нежную рыбу.

Путники уселись довольно далеко от берега, на круглой поляне, окаймленной гигантскими буками. Здесь были разбросаны разнообразные кусты, всюду величаво возвышались крупные, мохнатые, колоссальные репейники.

Элем и Вамирэх мирно отдыхали, как вдруг мимо пзанна на расстоянии локтя пролетела стрела. Вамирэх вскакивает и хватается за оружие. Его опытный глаз различает позади буковых стволов очертания людей. Они выходят из-за деревьев, и туча стрел проносится в воздухе. Битва завязывается; враги, в числе семи чело-

век, быстро наступают. Это люди востока, коренастые, с черными глазами. Они знают скорость бега Вамирэха и бросаются на него врассыпную, чтобы не дать ему ускользнуть от ударов... Луки уже натянуты, отравленные стрелы готовы совершить свой страшный полет: но в эту минуту раздаются голоса, указывающие на опасность, которой подвергается Элем, и в руках воинов луки заменяются копьями.

Вамирэх горделиво смотрит на них, и его боевой клич заставляет трепетать сердца самых храбрых. Он узнает в своих врагах людей расы, к которым принадлежит Элем, с широким черепом, смуглой кожей и темными глазами. Их лоб и руки разукрашены татуировкой. Бодрый старик предводительствует ими. Вамирэх берется за копьё... Смуглые противники укрываются за стволами ближайших деревьев... Тогда Вамирэх схватывает Элем и начинает отступать к реке, где надеется сесть в лодку... По приказу вождя стрелы дождем сыплются на Вамирэха; но он ловко отражает их и бежит еще быстрее.

Эта искусная тактика приводит в ярость обитателей востока, и трое из них бросаются вслед за Вамирэхом. Но его дротик поражает наиболее проворного; пзани смеется громким торжествующим смехом, замечая, что двое остальных не в силах бороться с ним... Он с вызывающим видом размахивает палицей; звуки, похожие на рычание, вырываются из его груди; рука готова разить беспощадно, насмерть. Вождь, видя неизбежную гибель своих воинов, приказывает им остановиться, и они повинуются его повелительной речи.

Наступает перемирие. Преследователи скрываются за гигантскими репейниками, отрезая отступление к реке. Вамирэх видит серые стволы буков, вечный полумрак под их тонкими поперечными ветвями; солнце освещает круглую поляну и теснящиеся в беспорядке кустарники, за которыми скрываются обитатели востока, следящие за ним. К его воинственному настроению примешивается чувство грусти.

Из всех материальных орудий у него осталась только острога.

Предводитель восточных воинов отдает приказ общего наступления, чтобы в случае смерти одного остальных по крайней мере могли за него отомстить. Они наступают на похитителя Элем врассыпную, чтобы не пред-

ставлять слишком удобной цели. Острога никого не поражает: ее роговой наконечник отделился от рукоятки раньше, чем был нанесен удар. Тогда он хватается за другое оружие, какое есть у него,— кремень яйцеобразной формы. Он пустил его, как ядро, прямо в старого вождя. Тот сгибается под тяжестью удара и безмолвно борется с жестокой болью; в чертах его лица страдание смешивается со злобой.

Вамирэх опять пытается бежать. Он схватывает Элем и делает прыжок. Отравленные стрелы гонятся за ним; одной раны достаточно, чтобы он пал мертвым... Обремененный своей ношей, почти настигаемый врагами, он, конечно, будет схвачен на берегу прежде, чем успеет спустить челнок на воду. Вамирэх останавливается и спускает молодую девушку на землю. Элем свободна, но она не двигается с места, полная боязни за его участь. Он понимает ее и, вспомнив последний раз Зома и Намиру, родные пещеры и широкие равнины, бросается в битву...

Они сталкиваются грудь с грудью. Стрелами действовать нельзя. Вначале воинам востока приходится плохо: одно из их копий сломано ударом палицы Вамирэха, другое он вырвал у них и, действуя с одинаковой ловкостью обеими руками, сражается разом и копьем и палицей... То отступая, то снова наступая, он выдерживает натиск пяти короткоголовых противников и даже одному наносит легкую рану в грудь... Но переменное счастье битвы отдалило его от Элем... Он видит ее в руках неприятеля и бросается вперед, чтобы отбить. В эту минуту копьё вонзается ему в бок; кровь течет струей... Страшно мстя за этот удар, он разбивает череп одному врагу, другого повергает со сломанным плечом, а вождю прокалывает копьем бедро.

Однако пзани ослабевает; последние силы его сосредоточиваются на обороне. Элем издает жалобные вопли, а ее соплеменники готовятся к последнему нападению; воинственный пыл заставляет старика-вождя дотащиться до раненого врага. Но это уже конец. Вамирэх собирается бежать. Его палица делает еще один оборот, и падает еще одна жертва... Затем он поспешно хватается за копье и острогу, бежит к реке, достигает лодки, садится в нее, и три удара весла выносят его на середину реки. Его противники взвешивают опасность борьбы на воде;

но вождь не разрешает им этой борьбы... Тогда все вооружаются луками; но и стрелы не могут достать врага, потому что лодка его уже исчезла за островком.

Х

ВАМИРЭХ

Распростертый на дне маленькой лодки, Вамирэх лежал, зажимая рану, покрытую запекшейся кровью. Уже час, как он ожидал, пока вернутся к нему силы, чтобы добраться до берега; от потери крови он впал в забытие, в полуобморочное состояние, в котором переставал ясно ощущать свое собственное тело. Предметы кружились перед ним, казались маленькими, тоненькими, грудь его заливала теплая волна, представлявшаяся ему неизъяснимо приятной, хотя она душила и тревожила его.

Однако кризис миновал. Вместе с лихорадочным возбуждением появились и силы. Вамирэх уже был в состоянии догresti до берега, высадиться и набрать бальзамических листьев и древесной смолы, чтобы перевязать рану. Сперва он обмыл ее в воде, сблизил ее края, затем наложил на нее листья, обмазанные древесной смолой, и укрепил их широкой полоской кожи. Эта прочная перевязка не мешала потоку воздуха и даже свободно пропускала испарение. Через неделю ее нужно будет возобновить, а пока благодаря ароматическим листьям и смоле можно было не опасаться осложнений.

Вамирэх почувствовал значительное облегчение; неопределенная тревога, какую приносит с собой всякая болезнь, исчезла, и в нем снова возродилось чувство гордости, радость победы. Он с наслаждением утолил жажду и голод и отправился разыскивать дерево, нужное ему для изготовления нового оружия. Он скоро выстругал рукоятки — двенадцать коротких для дротиков и одну длинную для копья. Во время работы ему захотелось иметь лук и стрелы, наподобие восточных, из твердого обожженного дерева. Дуга лука была плоская, но широкая с небольшой круглой выемкой для направления полета стрелы. Вамирэх вырвал с корнем молодое ясеневое деревце и обжег его с концов; потом ему пришлось долго обстругивать ствол, чтобы сделать его тоньше, пользуясь попеременно то кремнем, то действием огня.

Солнце зашло прежде, чем Вамирэх смог окончить работу; он сообразил, что для завершения ее нужно еще по меньшей мере два дня, не считая времени, необходимого, чтобы заострить стрелы. Отыскивая безопасный приют для ночи, он решил окончить сперва копье, дротики и остроги на случай нападения, которого, впрочем, трудно было ожидать. Едва ли обитатели востока, потеряв двоих, имея на руках раненых и в том числе вождя, вздумают возобновить враждебные действия. Вероятно, они поспешат как можно скорее вернуться в свои степи вместе с девушкой. Вамирэх усмехнулся при мысли, что она еще не совсем потеряна для него. Ему долго не спалось: его волновали планы второго похищения ее.

Проснувшись на другое утро, он испытывал большую слабость, не позволявшую ему подняться. Начиналось заживление раны. С большим трудом юноша дотащился до берега, чтобы утолить страшную жажду. Он напился, но на обратный путь у него не хватило сил.

Он уснул тут же на берегу, подвергаясь опасности стать жертвой хищных зверей. Солнце стояло уже высоко, когда сознание вернулось к нему. Он вновь утолил жажду. В голове его шумело, пульс сильно бился, мысль была подавлена.

Он понял, что день потерял и, покорившись необходимости, укрылся под лодкой вблизи крутого берега. С небольшими перерывами, когда он в полусне утолял жажду, мрак окутывал его сознание до самой зари; Вамирэх был близок к смерти; всю ночь его могучий организм боролся с нею. Но с зарей пришло успокоение, сон подкрепил его, и когда солнце прошло четвертую часть пути, он проснулся от голода.

Вамирэх осмотрел перевязку. Боль исчезла; края раны успели почти затянуться и лишь слегка припухли. Голова была свежа. Юноша отправился отыскивать себе пищу, вооруженный оставшимися у него копьем и острой. Подлесок в это время мало обещал добычи; кроме того, приходилось выжидать ее из засады, так как открыто нападать не позволяла рана.

Прошло часа три, и во все это время мимо засады промелькнуло лишь несколько мелких хищников, мясо которых было отвратительно на вкус. Голод начинал уже жестоко мучить охотника, как вдруг он увидел стадо лосей под предводительством великолепного самца. Это

была крупная, опасная дичь, и тем более соблазнительная, что рога самца могли доставить все нужное для наконечников копий, острог и дротиков. Вамирэх в эту минуту еще сильнее пожалел, что у него нет лука, дающего возможность поразить животное издали, так как лось нередко жестоко мстит за убийство самок. Предводитель стада был огромных размеров, его рога широко разветвлялись над головой, наподобие оголенного бука.

Охотник, пользуясь прикрытием кустов, с величайшими предосторожностями приблизился к стаду; но расстояние до него все еще было слишком значительно, чтобы можно было рассчитывать нанести верный удар единственной оставшейся острогой.

Поэтому он стал выжидать. Лоси щипали траву, играли, и одна из самок резвилась вблизи от охотника. Острога свистнула в воздухе и вонзилась в тело животного. С предсмертным жалобным вздохом упало оно на траву, а остальные лоси бросились в кусты. Остался только самец, неподвижно, пристально вглядывавшийся в густую чащу. Минуту спустя он был уже около жертвы, в волнении роя копытом землю и колеблясь между желанием мести и страхом неизвестного. Между тем великолепные рога животного сосредоточили все внимание Вамирэха; необдуманно, болезненным движением он выступил из-за прикрытия с направленным на лося копьём и львиной шкурой в руке.

Лось колебался, устремив свои продолговатые глаза в сумрак леса; но человек подался назад, и животное инстинктом признало в этом движении слабость охотника. Стремительно, низко опустив голову, лось кинулся на человека. Вамирэх отскочил в сторону и набросил свой плащ на ветвистые рога. Пока лось, стараясь высвободиться, усиленно потрясал головой, охотник вонзил ему копьё между ребрами, поразив в самое сердце. Животное рухнуло, а Вамирэх упал в изнеможении от сделанного усилия. Но он вскоре поднялся, развел огонь и зажарил кусок мяса лося.

Утолив голод, Вамирэх почувствовал прилив сильной грусти. Ему недоставало Элем, он скучал по ней. Он вспомнил, как не хотела она покинуть его в минуту опасности, повторял ее имя и не мог отделаться от мысли вернуть ее.

Лес примолк в эту жаркую пору дня. Солнце отражалось в глади реки, проникая продолговатыми кружками сквозь легкую листву деревьев. Кусты стояли неподвижно; в пространстве, покрытом высокими деревьями, мелькали яркие просветы, полутемные выходы, углубления, похожие на пропасти. Благодаря грустному настроению одиночества картина эта как-то особенно действовала на Вамирэха. Он чувствовал потребность то отдыха, то художественной работы; ему ясно припомнился день в родных пещерах, когда он вырезывал начальнический жезл, сидя в кругу своей семьи; это дало новый толчок его мыслям, и он вспомнил о начатых работах по приготовлению оружия.

Вооружившись кремнем с тонкими зазубринами наподобие пилы, Вамирэх принялся за работу. К вечеру он отделил рога от головы лося. Движения руки вызывали раздражение в ране, и у него снова началась легкая лихорадка. Оставив работу, он все же не мог уснуть: его мучило желание попытаться отыскать следы Элем. Юноша сел в лодку и поплыл по течению.

Густой мрак ночи окутывал его. Только голос реки раздавался в тишине, где среди чуть слышного шепота прорывалось унылое кваканье лягушек. Над поверхностью воды беспрестанно мелькали летучие мыши; в темной бездне реки трепетали звезды.

Несколькими взмахами весла Вамирэх приблизился к тому берегу, где он сражался с обитателями востока; потом пустил лодку по течению, улегшись в ней так, что издали ее можно было принять за ствол дерева, вырванного бурей. Сперва тянулись пустынные места, безмолвие которых не нарушалось животными; далее неясные признаки указывали уже на присутствие врагов. Наконец, Вамирэх заметил груды камней, обозначающие могилы убитых; а через час огонь костра обнаружил, что его противники бодрствуют.

Долго смотрел туда Вамирэх. Один из воинов стоял настороже; от времени до времени он высоко поднимал руку, чтобы не уснуть, и при этом движении гигантская тень отбрасывалась на другую сторону реки. Сжимая острогу, Вамирэх обдумывал способ нападения; лихорадка возбуждала в нем безумную смелость.

Ночной ветерок поднимал к лесу все возраставший шум. Вода светилась бледным фосфорическим светом;

в ночном сиянии оживали заводы, усеянные камышами. Бегущие облака внезапно меняли вид воды, то набрасывая на нее свинцовый покров, то отражая одинокую дрожашую звезду или целый поток созвездий.

Вдруг позади костра появилось ярко освещенное лицо Элем. О, если бы он мог ее схватить и унести, как прежде! Но, сделав усилие, он почувствовал, что его рана еще не закрылась и рука бессильна! Еще несколько дней, и к нему вернется прежняя сила. Пока он может только следить за врагом и выжидать удобной минуты. Он осторожно положил острогу, взял весло и, прежде чем направиться к своему убежищу, отдался течению, которое отнесло лодку к противоположному берегу. Там он принялся осторожно грести, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Прошел час. Лодка двигалась с трудом, хотя Вамирэх держался вблизи от берега. Приходилось бороться не только с течением, но и с водорослями, которые цеплялись за лодку и опутывали весло. Вамирэх решил уже пристать к берегу, когда увидел нечто вроде пролива среди камышей. Он направил туда лодку, и некоторое время она двигалась беспрепятственно; но вскоре пролив опять замкнулся длинными речными растениями. В надежде найти вблизи открытое пространство Вамирэх, лихорадочно раздвигая растения, направился вперед. Но повсюду он наталкивался на камыши, водоросли и осоку.

Величайшая усталость подавляла Вамирэха, и он должен был на некоторое время улечься на дне лодки.

Ночь близилась к концу; небо над головой побледнело от первого отблеска утренней зари; крик глухаря оглашал лесную чащу. Тихий лепет острых крепких листьев, похожий на шорох крыльев птицы, всплески выдры, вечный шум реки были единственными звуками среди тишины. Предметы казались залитыми полупрозрачным серым туманом: на противоположном берегу едва обозначалась черная кайма леса между рекой и побледневшим небом.

Вамирэх приподнялся. Необычайное оцепенение сковывало его члены, клонило ко сну. Ему захотелось поскорее в свое убежище, и он измерил глазом расстояние до него от берега. Оно казалось весьма значительным, тем более что растительность здесь становилась все гу-

ще. Была минута, когда он думал отказаться от нового усилия и переночевать в лодке; но достаточно было малейшего неосторожного движения, чтобы опрокинуть утлый челнок, а рана не позволила бы широких размахов, необходимых при плавании.

Приняв решение, он направился к берегу, работая веслом, изрезывая руки острыми листьями камышей, таща и подталкивая хрупкую лодочку, усталый, раздраженный, вынужденный часто останавливаться и подолгу отдыхать.

Наступал день; все казалось бледным изможденному человеку: и вода, и небо, и лес. Широкая река выдвигалась из тумана и снова терялась в нем.

Вот, наконец, берег. Вамирэх, высаживаясь и раздвигая высокие стебли растений, увидел пантеру в борьбе с маленьким мамонтом. Жалкое молодое травоядное напрасно старалось отогнать хоботом своего противника. Вдали виднелась стремительно мчавшаяся самка, спешившая на помощь к своему детенышу, и из камышей раздавался крик самца, очевидно старавшегося вплавь добраться до берега. Но пантера одним прыжком очутилась на спине молодого мамонта и уже запустила когти в толстую кожу, собираясь вцепиться зубами в шею, когда охотник, охваченный жалостью, вмешался в дело. Он издал боевой крик, пустил свою острогу и направился к хищнику. Удар был слаб — острога едва окрасила кровью пятнистую шкуру; но пантера, ворча, все-таки выпустила свою жертву. В эту минуту показалась широкая голова мамонта-самца, и почти одновременно с ним появилась и самка. Тогда пантера скрылась в кустах, а семья громадных толстокожих удалилась, покачивая хоботами.

Вамирэх следил за их удаляющимися фигурами, радуясь, что оказал им услугу. Потом он взвалил себе на плечи лодку и пошел к опушке леса. Он потратил последние силы на собирание больших сучьев для укрепления своего убежища под лодкой. Чувствуя тяжесть во всем теле и спотыкаясь от слабости, он стал вбивать в землю, у подножия дерева, наиболее крепкие ветви, но вынужден был прервать работу: чувство оцепенения охватило его с удвоенной силой; он хотел присесть, но вместо этого повалился на землю почти без чувств и вскоре погрузился в тяжелый сон с мучительным бредом.

ХІ

МАМОНТ

Небольшая прогалина виднелась среди буков, дубов и вязов. Она густо поросла сочной травой, перемешанной с лютиками, пушистым крестовником, цветущей крапивой. Под острыми травами, по листьям, цветам, стеблям и корням сновал целый мир насекомых.

Гигантская муха порхала в первых лучах солнца; оса садилась на венчики цветов; огромные бабочки раскачивались на своих бархатистых крыльях; тучи комаров поднимались с реки, ища убежища под листвою; legionоны муравьев тащили травяных вшей, тычинки, зерна; паук подстерегал добычу из своей норы; могильщик искал падали, чтобы положить в нее свои яички; точильщик-часовщик стучался головой о кору вяза; сверчки засыпали, уставши трещать; ухвертки поднимали свои клещи из глубины венчиков и проворная жужелица, подобно тигру, набрасывалась на жука...

Человек, упавший на землю, поднял тревогу в лесу. Вокруг двуногого царя масса живых существ, занимавшихся исследованием сухих стволов и сучьев, слушала, смотрела и обоняла; остроконечные носы, тонкие уши, выпуклые глаза, похожие на черные жемчужины, длинные усики почуяли человека, поняли его слабость. Приблизились крысы, привлеченные ремнями, пропитанными костным мозгом; затем между верхними ветвями показались любопытные мордочки белок, подстерегаемых большой рысью.

Время шло. Солнечный свет залил прогалину. Поток жизни рос вместе с силой лучей; мухи прилетали все в большем и большем количестве; шмели и пчелы жужжали быстрее и звучнее; птицы стремительнее пронеслись внизу ветвей.

Гиена, обманувшаяся в своих надеждах на ночную добычу, голодная бродила между кустами своей волочащейся походкой. Она почуяла запах человеческого тела, смешанный с запахом кожи и жира, и подошла ближе; крысы разбежались; пожирательница трупов, не выходя из-за кустов, поняла, что человек не был мертв. Однако она не теряла надежды и в полудремоте притаилась в тени.

Длинные шелковистые лучи света все отвеснее падали сквозь просветы листвы; тени укоротились до наименьшего предела и снова стали расти. Человек все еще спал, и гиена сторожила его. Птицы утомились, и голоса их смолкли в больших деревьях; муравей раскачивал острые листья травы; шершень, цепляясь за тоненькую ножку цветка, сгибал его; мухи без умолку жужжали, сучья трещали под ногами стремительно бегущего стада ланей.

Часа через два после полудня шакалы, почуяв отвратительный запах гиены, собрались неподалеку, в той же части леса. И они засели в кустах; их алчное беспокойство, их зловещий крик оповестил воронов о предстоящей обильной добыче. Те слетелись целой стайей с громким карканьем; черная туча заслонила свет на прогалине, пока они не уселись на выбранном ими буке. С высоты четырех тысяч метров три ястреба заметили движение воронов и, ринувшись вниз с головокружительной быстротой, разместились на ближайшем дереве.

Эти алчные соперники окружали распростертого Вамирэха со взаимным недоверием друг к другу; ночные животные страстно желали наступления сумерек, дневные со страхом ожидали конца дня. Сперва они оставались в нерешительности, наблюдая друг за другом; затем шакалы отступили, испуганные соседством гиены; внезапный страх разогнал на минуту ястребов. Только вороны оставались невозмутимыми, сильные своей численностью, готовые растерзать врага железными клювами.

Они начали забавляться; восседая с комически важным видом на ветвях бука, вороны затеяли нечто вроде пляски, подвигаясь к оконечности ветви, пока один из них не падал; свалившийся в течение нескольких минут попархивал с ужаснейшим карканьем и снова возвращался на свое место. Их крики и игра вспугнули ночных животных; когда же с шумом, напоминавшим падающий град в лесу, крикуны тучей спустились на человека, гиена отступила, а шакалов охватило смтение...

Вороны все подвигались, в их движениях было что-то неловкое и забавное. В двух шагах от Вамирэха они остановились в сомнении; карканье их прекрати-

лось, и старейшие стали совещаться низкими горловыми звуками, перемежая их движениями, похожими на плясовые. Но, Вамирэх пошевелился и заставил воронов отступить; они снова расселись по веткам дерева.

Настало затишье, в котором был слышен только топот гиены и вопли шакалов; потом среди полного молчания послышалось тяжелое хлопанье крыльев, и три ястреба мгновенно спустились на землю. Они вытянули оголенные, крепкие шеи с красивым, пушистым белым ожерельем и долго стояли неподвижно, как стражи, приподняв плечи острым углом; их шеи как будто выскакивали из груди; крылья походили на плащ, украшенный бахромой из светлых коротких перьев. Они принадеждались к мощной породе; их распростертые крылья достигали восьми футов; сильные когти, жадно разрывавшие падаль, впились в живую добычу лишь во время крайнего голода... Обсуждали ли они, насколько смерть близка к человеку, насколько энергия сохранилась еще в его могучих мышцах, в высоко поднимающейся груди, в крепкой шее? Птицы не двигались, но голодные шакалы, утомившись ожиданием, начали бродить в кустах; заслышав их, ястребы с шумом замахали крыльями; испуганные шакалы остановились, и самый старый ястреб направился к белокурой голове Вамирэха.

Волосы, рассыпавшиеся по лицу, наполовину закрывали ему глаза; бледные губы вздрагивали от тяжелого, лихорадочного дыхания; вызывающая усмешка, казалось, поднимала верхнюю губу, между тем как около углов рта лежало выражение кроткой покорности. Полубогащенное плечо как будто было изваяно из полированного камня; львиная шкура прикрывала грудь, в которой беспокойно трепетало сердце.

Вороны, заинтересованные действиями ястреба, медленно подвигались; шакалы, зевая, закрывали глаза, ослепленные солнечным светом; гиена рыла землю передними лапами; в лесу слышались слабые звуки: тихие крики, чуть слышное пение, шум падения зрелых плодов.

Между тем большой ястреб смотрел в промежуток среди прядей волос, на полужакрытое веко, с видневшимся под ним белком глаза. Хищные птицы выклевают глаза по инстинкту, и ястреб, приняв это решение,

стал медленно приближаться к Вамирэху. За ним последовали и его товарищи, и один из них поставил лапу на обнаженное плечо.

Рука Вамирэха бессознательно передвинулась к этому месту и упала на крыло птицы; в ответ она ударила его клювом по кисти. Ощущение боли возбудило в человеке способность обороны: в полусне он сжал атлетическими пальцами шею птицы... Минуты две скрюченные когти ястреба цеплялись за львиную шкуру, затем наступило удушение, и пальцы Вамирэха, все еще не разгибаясь, сжимали шею уже мертвой птицы. Между тем широкие крылья обоих ястребов, оставшихся в живых, рассекали воздух; они поднялись до верхушек деревьев, покалебались с минуту и через широкий просвет между деревьями взвились к небу.

Вамирэх после сделанного усилия снова впал в забытие и казался настоящим мертвецом; вороны отрядали десять штук из своего числа, чтобы убедиться в том. Оставшиеся на деревьях начали совещаться, перекликаясь резкими горловыми нотами. Десять отряженных воронов тотчас же увидели, что крупная добыча еще не безопасна; но их привлекал мертвый ястреб, и они стали приглядываться к нему. Человек держал его в судорожно сжатой руке. Вороны с величайшей осторожностью своей породы поворачивали птицу и набросились, наконец, на голую шею; вскоре на ней появилось отверстие, которое они углубили своими острыми клювами, и через несколько минут в руке Вамирэха осталась только голова пернатого хищника. Вороны вцепились разом в добычу и оттащили ее на несколько локтей.

Шакалы сочли этот момент удобным для себя; их бег, сопровождаемый воем и лаем, казался проливным дождем, падающим на листья. Десять воронов поднялись с яростным карканьем; но остальные целыми сотнями кинулись сверху на спины четвероногих хищников, которые поспешили отступить перед неожиданным нападением. Черная стая осталась победительницей и принялась пожирать ястреба.

Гиена перестала рыть землю. Голод, все сильнее терзавший ее внутренности, возбуждал в ней смелость. Она приближалась медленным шагом, низко опустив заднюю часть тела, как животное, привыкшее ползать, вытянув голову и обнюхивая воздух, испытывая с каждой минутой

все больший и больший страх. На расстоянии одного прыжка она остановилась, соображая, присматриваясь к горлу человека, подумывая о нападении. Но у нее не доставало смелости, и она в волнении скребла землю.

Пока она колебалась, возобновилась борьба между шакалами и воронами. Шакалы сделали вылазку, и на этот раз птицы улетели, предоставив им остатки ястреба. Но для шакалов это была скудная добыча. Стройные и гибкие, щуя глаза от света, они осторожно разгрызли кости птицы. Разохотившись, они помышляли о крупной

добыче. Гиена не противилась им; по-видимому, обе стороны даже ободряли друг друга. Хохот и завывание смешивались с беготней, с прыжками и внушительным оскаливанием зубов.

Ветви кустарников раздвинулись с силой; по лесу послышался треск, как во время бури, и показалась голова мамонта. Прогалина понравилась ему, и он стал раскачиваться всем своим громадным телом, срывая хоботом травинки с резвостью молодого животного; потом он улегся и задремал.

Гиена и шакалы, притаившиеся внутри невысоких кустов вблизи прогалины, разом значительно подались назад; но они испугались не мамонта: другое тяжелое, неуклюжее животное медленно пробиралось сквозь кустарник и выступило на открытое место: это был серый медведь. Мамонт спокойно ждал его приближения. Стопоходящее животное остановилось, вглядываясь в хоботное. Проснувшись в своей берлоге близ реки, медведь был привлечен воем шакалов; теперь он рассчитывал поживиться распростертым на земле человеком и надеялся, что миролюбивый мамонт не мешает ему. В первую минуту его расчет казался верным: мамонт, по-видимому, удалялся; однако на расстоянии десяти метров от человека он обратил на него внимание, повернул хобот в его сторону, приблизился к нему, обнюхал и пристально осмотрел его. Тогда он издал угрожающий крик и направил клыки на хищника. Медведь, охваченный слепой и упрямой яростью, зарычал и встал на дыбы; движение его когтистых лап и широко разинутая пасть говорили о жажде мести. Мамонт ждал противника, подняв хобот и выгибая могучим усилием гигантскую спину...

Это были два мощных зверя. Мохнатые лапы медведя были вооружены огромными когтями; клыки и мускулистые челюсти служили сильным оружием. Он мог, стоя на задних лапах, схватить и задушить противника. Его густая волнистая шерсть не мешала ему в борьбе с хищниками, даже со львом и леопардом; вес его грузного тела оказывал ему пользу; его медленные движения отличались ужасающей точностью.

Но сила мамонта стояла выше всякого сравнения. Его маленькие глаза в противоположность глазам медведя отличались зоркостью; его удивительный хобот

превосходил ловкостью и силой руку человека; его загнутые клыки длиной до десяти локтей пробивали и отбрасывали противника, как рога зубра. Все тело его, поддерживаемое четырьмя столбообразными ногами, покрытое пушистой рыжей шерстью и черноватой гривой, казалось подвижным и гибким. В лесах, травянистых степях, в горных ущельях — всюду победоносным властелином травоядных являлся этот вымиравший представитель хоботных животных.

Мамонт первый вышел из выжидательного положения. Издав ужасающий крик, он бросился на своего близорукого широколапого противника. Медведь уцелел благодаря дереву: он успел взобраться на него до значительной высоты. Тогда мамонт стал расшатывать плечом толстый ствол; медведь не удержался и упал прямо на широкую спину мамонта, причем зубы его вонзились мамонту в затылок, а когти в хрящевую часть ушей. Но толстокожее животное встряхнулось, как будто выходя из воды, и в то же время сильно ударило врага хоботом; медведь свалился и покатился кубарем; мамонт подхватил его, поднял на клыки и отбросил в чашу лиан. Видя, что мамонт снова наступает на него, медведь поднылся на ноги и убежал тяжелой поступью.

Незлобивое травоядное примирилось с этой развязкой и собиралось уже удалиться, как вдруг медведь вернулся и, необдуманно набросившись на мамонта, жестоко укусил его в хобот. Раздался крик боли; мамонт пригнулся к земле и потряс головой. Медведь потерял равновесие и, падая, попал между клыками врага. Мамонт, придерживая его хоботом, вонзил в него клыки и принялся давить его толстыми, столбообразными ногами, пока тот не испустил последнего дыхания. Остервеневший мамонт еще несколько минут продолжал топтать мертвого врага, потом отбросил труп далеко от прогалины. Гиена и шакалы могли теперь утолить голод.

Удовлетворив свою месть, толстокожее животное вернулось к человеку. Оно снова обнюхало его и, остановившись на расстоянии пяти локтей, издало протяжный крик. На этот крик явилась самка с детенышем. Все трое разместились вокруг Вамирэха.

Приближалась ночь. Большая синяя муха доисторических времен искала убежища под листьями; рои насе-

комых неслись тучами к воде; сверчки снова затягивали свою переливистую песню, муравьи таскали последние соломинки в подземные кладовые; могильщики хлопотливо зарывали труп полевой мыши; голоса птиц замирали в ветвях; вороны давно улетели. Рассеянные красноватые лучи запоздалым светом дрожали на тонких верхушках цветов; они темнели с каждой минутой, освещая местами лишь светлые песчинки; и величавые мамонты спокойными взглядами улавливали эти последние отблески света, тогда как под деревьями раздавался злобный вой шакалов и хохот гиены, насытившихся мясом серого медведя.

Глубокий мрак спустился, наконец, на землю и окутал своим таинственным покровом лес и реку; светляки заблестели в кустах; ночные бабочки с мягкими крыльями запорхали в воздухе; за ними пронеслась летучая мышь; слышались вздохи совы в дупле дуба, и раздались торжествующие крики хищников. Не один леопард, не одна стая волков чуяли в эту ночь спящего человека, но никто из них не осмелился потревожить непобедимую семью большого косматого мамонта с выпуклым лбом.

Они оставались вблизи человека вплоть до рассвета, когда Вамирэх вышел из своего долгого оцепенения, освеженный и окрепший, как после купанья в жаркий день. Он поднялся на ноги и попробовал силу мышц своих рук и груди; тут только он заметил удаляющихся мамонтов. Вид их напомнил ему о приключении предыдущего утра, и он произнес вслед громкое приветствие, не подозревая, чем он им обязан. Он понял это лишь несколько позже, наткнувшись в кустах на свежие остатки медведя с разможенными костями, и сердце его наполнилось благодарностью.

ХИ

НАЧАЛЬНИК ОТРЯДА

Прошло пять дней. Медленно, с частыми остановками продвигались кочевники востока в своем обратном пути; в состоянии их раненых мало-помалу наступало заметное улучшение. На шестой день они сделали продолжительный привал и надеялись увидеть лагерь своих соплеменников до окончания начинавшейся четверти

луны. Оправившись раньше других, вождь не проронил ни одной жалобы. Бодрый, крепкий старик переносил боль от удара, почти разmozжившего ему плечо, как человек, у которого местное страдание не отражается на всем организме. Ежедневно утром и вечером он обходил раненых воинов и перевязывал свои и чужие раны, употребляя простые, известные ему средства, предупреждающие воспаление.

Элем покорно следовала за отрядом, но часто переносилась мыслями к гиганту-кочевнику с энергичным и кротким выражением белого лица, с широкими плечами и сильными мышцами; она вспомнила вспышки его гнева, его веселость, выражение ума, светившегося в голубых глазах, его влечение к искусству и к работе.

Ее спутники уже начинали подозрительно относиться к похвалам, которые она расточала Вамирэху в ответ на их расспросы. Один лишь вождь задумчиво и спокойно продолжал расспрашивать ее. Он жадно ловил подробности относительно силы, ловкости, знаний и искусства белокурого человека, а также нравов далекой страны. Враждебные чувства его смягчились как преклонными годами, так и любопытством узнать заманчивую тайну. Он сожалел, что белокурый великан не попался в плен: быть может, ему было известно, до каких пределов простирается лес, откуда течет река, где небо соприкасается с землей...

Обитатели востока, кочевники и охотники, умели уже извлекать пользу из царства растений, они превращали зерна в муку, из которой готовили различные кушанья. Сбор травы на лугах давал им возможность прокармливать стада лошадей и быков, содержащихся в неволе в огороженных местах; полуживотные еще не поддавались правильному приручению и служили лишь для употребления в пищу.

Все это, а также и плодородие почвы удерживало восточных кочевников от больших передвижений, доступных западным. В их лесах обитали разнообразные животные — редкие разновидности обезьян, шакалов, оленей вместе с животными холодных степей: мамонтом, медведем, гиеной, зубром, туром и мускусным быком. С наступлением холодов начиналось передвижение обезьян, шакалов, оленей в большие южные леса; летом совершалось обратное переселение.

В травянистых степях востока азиаты вступили в союз с собаками, огромные стаи которых бродили среди степей. Стойкая и понятливая собака вместе с человеком вела борьбу против крупных хищников, помогала ему охотиться за туром и лошастью, пользуясь за то частью добычи. Подобно человеку, собаки поняли преимущества общежития: у них были свои собрания, своя храбрая армия, свои вожди, поседевшие под невзгодами времени...

Среди кочевых племен востока старики занимали положение мудрецов. Заглушая в себе дикие инстинкты, они стремились к приобретению знаний и старались проникнуть в тайны природы, отваживаясь даже на объяснение лунных фаз, движения звезд. Благодаря им восточники заключили союз с собаками; они же поощряли попытки приручения некоторых птиц, зверей: тура, лошади, медведя, кабана. Они знали все особенности нрава животных, знали, что одни из них уступают силе, а другие предпочитают смерть угнетению. Они отправлялись на большие расстояния, чтобы посетить племя Дождей, в котором колдун Надда воспитывал пчел, или племя Луны, в котором молодой воин ездил верхом на лошади, или племя Грома, где три медведя жили среди людей.

При этих воспоминаниях вождь жителей востока еще более досадовал, что ему не пришлось познакомиться с Вамирэхом. Он предпочитал жить в мире с этими белокуроыми великанами, смелыми и искусными. Если бы обоим отдаленным народам удалось вступить в общение между собой, они расширили бы область владычества человека. Тогда можно было бы исследовать неведомые места: отверстие великой бездны, родину рогатых слонов, ознакомиться с водяным зверем, с чудовищной змеей, со всем, о чем уже целые века передается в легендах.

Старик взял молодую девушку под свою защиту. Он не только запретил грубо относиться к ней, но и разрешил ей полную свободу. Днем и ночью она могла беспрепятственно ходить, где ей хотелось, опережать своих спутников или отставать от них, и вождь так твердо обуздывал неудовольствие своих воинов, что они не смели противоречить ему. Элем была очень признательна доброму старику.

Оставаясь подолгу одна, она смотрела на эту реку, на эти дружественные воды, по которым ее несла лодка пзанна в течение долгих недель.

На седьмой день ей показалось, что в утреннем тумане, среди камышей, она видит лодку Вамирэха. Это видение неясно промелькнуло вдали, но Элем была убеждена, что действительно видела пзанна. В течение этого дня она несколько раз отставала от своих, то исчезая среди кустарников, то замедляя шаги на высоком берегу реки. Когда наступил час ночного покоя, она не могла заснуть и сквозь полуоткрытые веки тревожно всматривалась в ночную мглу.

ХIII

ВТОРИЧНОЕ ПОХИЩЕНИЕ

Ночью, в то время когда воины спали, старик наблюдал, как в огне костра стремительно терялась жизнь древесных ветвей. Пламя, как будто наполненное множеством каких-то тонких цветных существ, подпрыгивающих и издающих треск, окрашивается нежно-голубым, светло-желтым и пурпурным оттенком, оно прилегает к пеплу и, вздрагивая, бежит дальше; поднимаясь и волнуясь, оно проходит по сучьям, исчезая там, где начинается дым. И в пламени виднелись старику тысячи причудливых образов: гроты, леса, большие светящиеся озера, целый летучий мир, то разгорающийся, то потухающий от каких-то неведомых дуновений,— мир, то исполненный гневом, то смиряющийся, то снова свирепеющий, то укрощающийся, и все-таки страшный, поглощающий целые леса и возникающий от руки ребенка.

— Привет тебе, огонь! — произнес обитатель востока.— Ты прекраснее волны, враждебной тебе; ты приятен земле, которую оплодотворяешь, и человеку, которого согреваешь своей лаской!

Он погрузился в грезы... Быть может, он предчувствовал великое чудо будущего — эпоху обработки металлов. Он знал, что частицы земли или камни расплавляются в огне и что в пепле находили иногда небольшие твердые слитки. Каждый, на чью долю выпадали такие находки, хранил эти застывшие капли

металла. Они были различных цветов — желтые, серые, белые. Ударяя по ним камнем, им можно было придавать разнообразные формы и сплющивать в тонкие пластинки; но хрупкие пластинки легко ломались и гнулись, и тогда никому еще не приходило в голову видеть в них соперников камня, кости и рога.

— Огонь течет в наших жилах,— шептал старик,— вот почему из наших уст исходит пар, как из костра, заливаемого водой.

Эта мысль наполнила его сладостным и горделивым чувством; душа его как будто расширялась от созерцания ночи. Свет костра затемнял звезды, но на небосклоне, у реки, они сверкали во множестве.

— Огонь луны и огонь звезд так же холоден, как и взор человека...

Он умолк. Ночной шум леса доносился слабее. Где-то вдалеке рычал лев, и его сильный голос как будто исходил из бездны или звучал, как горное эхо,— столько в нем было величия и мощи. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. На светлой поверхности реки обрисовывались темные массы листвы; какая-то тревога чувствовалась во мраке.

Трепет охватил старика, созерцавшего природу. Он приподнялся, и пламя костра осветило всю его коренастую фигуру. Его беспокоила Элем, лежавшая с широко раскрытыми глазами, и он стал прислушиваться. Из глубины мрака доносился легкий шорох, как от ползущего животного; вслед за тем послышался шум быстро колеблемой листвы, и раздался короткий, сухой удар, как будто камня о камень.

— Вставайте!— крикнул старик, натягивая лук по направлению к подозрительному месту.

Но в эту минуту стрела вылетела из-за деревьев, едва не задев головы вождя, и воины не успели еще подняться с земли, как Вамирэх одним прыжком очутился вблизи костра. Старик в свою очередь пустил стрелу, но она исчезла слева от пзанна. Тот, уже подняв палицу, готов был сокрушить своего противника, когда Элем с умоляющим видом стала между ними. Великан-охотник быстрым движением обратился в сторону, где еще лежали воины, и его взгляд ясно говорил, что он убьет первого, кто осмелится напасть на него. Видя себя побежденными, обитатели востока не трогались с места. Старик-

вождь без страха смотрел на вторгшегося врага. Он знаком велел своим подчиненным не трогаться с места.

— Говори,— сказал он, обращаясь к Вамирэху.— Отдай предпочтение справедливости перед насилием!

Вамирэх понял, что от него зависит назначать условия; он жестами дал понять, что хочет взять Элем.

— Иди! — сказал старец, обращаясь к молодой девушке.— Но зачем брать силой дочь нашего племени? — прибавил он Вамирэху.— Пусть твоя кровь смешается с нашей, пусть мир соединит сыновей света с человеком неведомых стран.

Элем с ласковыми словами взяла руку Вамирэха и подвела его к старику. Он покорно следовал за ней, покоренный торжественным и серьезным тоном обитателя востока; но в эту минуту за его спиной три остальных воина разом встали на ноги, испуская крики воодушевления. Вамирэх принял это за злой умысел и, схватив Элем, бросился бежать. На некотором расстоянии он остановился.

— Лживый старик,— крикнул он,— твой голос напевает о мире, а твой дух желает войны. Вамирэх презирает тебя!

Натянув свой лук, он прицелился; Элем снова помешала ему: стрела, уклонившись, исчезла в ночном мраке. Когда противники Вамирэха схватились за оружие, он успел уже скрыться вместе с Элем. Опечаленный вождь не допустил преследования.

— Не бегите навстречу смерти... Он не понял моих слов, и ваши крики испугали его.

Новые сучья были брошены в костер; когда пламя ярко разгорелось, воины снова улеглись, огорченные несчастной случайностью, тем, что их простодушная радость, не понятая чужестранцем, уничтожила мудрые планы вождя.

XIV

ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Заря уже загоралась над лесом, а старый вождь все еще не принял никакого решения. Теперь уже нельзя было надеяться на победу в борьбе с рыжеволосым врагом: в открытом бою перевес останется на его стороне

благодаря превосходству его силы; его осторожность сделает бесполезной всякую засаду. Не было времени достать и подкрепления у своих племен. Узнать, где лежит страна неприятеля, и потом, по возвращении, вести туда целое войско? Но разве не могло бы встретиться на пути какое-нибудь неодолимое препятствие? Да и есть ли где-нибудь конец этому лесу?

Долго длились его молитвы и обряды: в этот день он искал ответа на свои вопросы и в потухающем пламени костра, и в причудливых очертаниях сучьев; но он не говорил ни слова: мудрость восточных племен требует, чтобы осторожный вождь действовал не сообразуясь с прихотливыми желаниями неопытной молодежи. Он поднимал с земли свое оружие, исследовал направление тени и полет некоторых птиц и велел своим спутникам следовать за собой.

Вскоре все увидели, что идут по направлению к югу. Перед ними расстилались обширные равнины, заканчивавшиеся высокими холмами, бесплодные местности, куда проникали немногие: это были владения собак. Несколько восточнее, на расстоянии шестидневного перехода, можно было бы достигнуть дружественных племен. Молодые воины изумлялись, но молчали. День прошел в ходьбе, прерывавшейся непродолжительными остановками. Движение продолжалось до вечера в том же направлении. Ночлег был тяжелый: ужаснейший ливень разразился над лесом часа за четыре до зари. Костер потух, промокшие люди, с которых струилась вода, дрожали от каждого дуновения ветра. Пришлось построить шалаш, и день давно уже настал, когда они двинулись дальше.

Все четверо смотрели сурово и молчали. Что-то мрачное было и во всей природе; дождь пронизывал густую листву, ноги вязли в глинистой почве. Звери бродили по лесу, угрожая нападением; стая волков издали двигалась по следам путников в ожидании их близкой гибели, повиснувшие на ветвях змеи попадались все чаще и чаще. Приближение зимы усилило алчность животных; приходилось оспаривать у волков убитую самку оленя. Тоска по хижинам и пещерам закралась в сердца обитателей востока.

Вторая ночь была особенно холодна. К счастью, они открыли в лесу укромное местечко, в котором им уда-

лось развести огонь. Рано утром они снова пустились в путь; мох деревьев, полет птиц, направлявшихся к равнинам, помогал им держаться должного направления. Но они были в нем уверены менее прежнего, и остановки делались чаще. Молодые воины обменивались укордкой мрачными взглядами; они упорно смотрели в сторону востока. Прошло около восьми часов, тогда они начали перешептываться друг с другом: дух возмущения, по-видимому, поднимался в них.

Между тем старик все шел так же быстро и горделиво. По временам он говорил вслух сам с собой, даже смеялся с каким-то одушевлением. Этот пронизательный первобытный человек был как будто одарен двойным зрением, пророческим внутренним голосом.

Среди дня солнце проглянуло из-за облаков. С земли поднялся туман, теплый, пропитанный каким-то нежным ароматом. Старик простер руки к светилу и громко проговорил молитву; потом он обратился к своим спутникам:

— Кто имеет право уклониться от повиновения? Если Совету нужна твоя хижина, ты должен отдать хижину; если ему нужна твоя рука, ты должен отдать руку; если ему нужна твоя жизнь, ты должен отдать жизнь. Разве я, несмотря на свою старость, не сильнее и не предусмотрительнее вас всех? Время не убелило еще ваших волос, и духи еще не говорят с вами. Смирите вашу гордость, или на вас обрушатся великие бедствия!

Раскаяние и ужас наполнили сердца молодых воинов; они упали ниц, еще раз покоренные силой мудрости и опыта. Вождь объявил им, что в сумерки они достигнут опушки леса; это подтверждалось встречами с крупными четвероногими, любящими равнину. Азиаты бодро двигались вперед, несмотря на дождь и на дремучий лес, в котором во множестве бродили ночные звери. Шесть волков пали, пронзенные отравленными стрелами; остальные рассеялись; человек снова чувствовал себя владыкой.

Однако потоки дождя падали с неба все сильнее; порывистый ветер точно бросился на деревья; встревоженные животные показывались из тьмы леса, и истомленные путники снова приняли жалкий вид. Волки собрались в стаи, в лесу слышнее раздавался хохот больших гиен. С приближением вечера враждебные звуки нена-

видящих человека существ усилились. Воины пустились бежать. За ними раздалось прерывистое дыхание волков; ветер застилал глаза, поднимая тучи сухих листьев. Покров ночи быстро спускался на землю. Вождь оставался.

Волки, сверкая глазами, тесно смыкали свой круг, они завывали, оскалив острые клыки. Стрел оставалось немного; о разведении огня нечего было и думать. Приходилось идти ночью, с бесконечными предосторожностями. Впрочем, опушка леса обещала избавление. Медленно, удерживая волков на известном расстоянии ударами дротиков, азиаты продолжали путь...

В девятом часу после полудня перед ними открылась прогалина, выходящая на равнину. Вождь шел позади всех; он мог еще сопротивляться и отбиваться от стаи волков, хотя силы уже начинали изменять и ему.

Торжествующий крик воинов встретил отклик: вдали раздался лай собак. Волки завывали в величайшем смятении: слышался треск в кустах, шум от множества невидимых тел, внезапные взвизгиванья, и побежденные волки обратились в бегство, оглашая воздух яростным воем и предсмертными стонами.

Тогда обитатели востока спокойно приблизились к границе леса; там их ожидали союзники-собаки, собравшиеся в отряд под предводительством своего вождя.

ХV

ДОЖДЬ

Приближался период летних дождей, ежегодно застилавший густыми тучами небо. В это время ветер свежел, холод нередко убивал цветы и плоды на деревьях, и зерноядные погибали во множестве от наступавшего затем беспощадного голода. Реки и ручьи выступали из берегов. Человек, скрывшись в пещерах гористых мест, обеспечив себя съестными припасами, проводил время в изготовлении инструментов и оружия.

Вамирэх, предвидя наступление этого тяжелого времени, работал веслом с утра до вечера.

Элем, покорная, побежденная, помогала ему. После вторичного похищения дочь неведомых стран востока согласилась стать женой обитателя запада.

Их пищу составляло жареное мясо оленя. Они добывали себе дикие плоды, свежие корни и яйца из запоздалых гнезд. Чтобы защититься от потоков проливного дождя, они ставили опрокинутую лодку на четыре подпорки, и она служила им крышей; шкура пещерного льва укрывала их с внутренней стороны, а с остальных сторон ограждали большие ветви.

Звуки падающего дождя, неумолкающий шум леса — все говорило о близости зимы. Наступили первые холода. Вамирэх отдал свою теплую одежду Элем и весь дрожал от холодного ветра. Утро следующего дня пошло у него на поиски животного с пушистой шкурой. Ему удалось подкараулить медведя и пронзить его дротиком в самое сердце. Мозг этого животного вместе с головным и спинным мозгом северного оленя был употреблен на смазку кожи, тщательно выскобленной и освобожденной от жира и сухожилий.

С тех пор им обоим было тепло во время ночного отдыха. Элем была довольна таким удобством; но Вамирэха озабочивало приближение времени больших дождей. С наступлением его лес делался опасным. Хищники становились тогда смелее; стаи голодных волков настойчивее нападали в лесной чаще. В постоянных битвах с хищными зверями оружие скоро было бы сокрушено. Пришлось бы в течение целых недель оставаться в какой-нибудь пещере, чтобы изготовить новые дротики и остроги, переносить суровый холод ночей во временных, наскоро построенных шалашах, или жестокий ливень под открытым небом.

Если начало дождливого времени окажется не слишком холодным, можно было надеяться достигнуть больших пещер к концу июля; но для этого приходилось спешить, находиться в пути целые дни. Вамирэх так и делал: с утренней зари до вечернего сумрака его мощная рука не покидала весла. К несчастью, челнок получил повреждение, и пришлось потерять три дня на тщательное исправление его. Наконец, лодку снова опустили в воду. Вздвухшаяся река уже окрашивалась илом и заливала наиболее низкие берега. Лодка двигалась с трудом, и приходилось держаться ближе к берегу; плывшие по реке стволы больших деревьев угрожали челноку; движение его затруднялось спутанными водорослями.

Элем проводила большую часть дня закутавшись в мех, убаюкиваемая шумом падающей воды. Приготовление пищи составляло ее главное занятие. Для утоления голода причаливали в каком-нибудь заливе. Припрятанный запас хвороста служил для разведения огня, достаточного чтобы зажарить кусок оленины, какую-нибудь водяную птицу или рыбу, мимоходом убитую острой.

Сухой и холодный климат европейских степей в ту эпоху, хотя и более мягкий на юго-востоке, отличался быстрым наступлением холодов раньше осеннего равенствия. Благодаря этому начинались переселения обезьян, ланей, шакалов, грызунов и болотных птиц. Обезьяны тогда передвигались к югу, мамонты, напротив, появлялись в большем количестве, предки же индийского слона спускались с гор.

По временам, когда на берегу реки появлялось стадо переселявшихся ланей или шакалов, Вамирэх на минуту опускал весло; с особым восхищением он следил за передвижением обезьян в каком-либо узком проходе или вблизи островов, где они имели возможность перебираться на другую сторону по вершинам деревьев. Он смотрел, как они с отчаянным криком раскачивались на ветвях и, сделав прыжок в двадцать локтей, опять хватались за ветку и прыгали снова. На лицах их появлялись гримасы, как бы под влиянием мысли. Движения их вполне напоминали жесты человека, когда они потирали себе лоб или, сидя, очищали пальцами и зубами какой-нибудь плод. Их правильно закругленные уши, глаза с прямым взглядом, ловкость, разумность движений — все это приводило Вамирэха в восторг.

Однажды какая-то рассерженная самка сбросила своего детеныша на траву. Раненая обезьянка напрасно выпускала жалобные крики: все обезьяны безучастно проходили мимо нее, никто, по-видимому, не хотел обременять свой отряд инвалидом. Растроганный этим зрелищем, Вамирэх подбежал и поднял маленького зверька, стонавшего, прижимая руки к груди. Очутившись в тепле, видя вблизи себя плоды, обезьянка успокоилась. Она полюбила спать на коленях у Элем, взбираться на плечо к Вамирэху, черпать рукой воду, сердиться на свое отражение в реке. Один вид этого подвижного прихотливого зверька наполнял радостью сердце Вамирэха.

Не была ли это порода людей-карликов? Он расспрашивал по этому поводу Элем, но та знала только, что никому не известно, есть ли у них язык, и что живут они, как животные. Вместе с тем она рассказывала о лесном человеке, строящем шалаши; и Вамирэх вспомнил о странном существе, встреченном им недавно, с глазами янтарного цвета, с редкими волосами и мохнатым телом.

Однажды в тот час, когда дневной свет окрашивается неувлимым алым отблеском, сопровождающим закат величественного светила, Элем внезапно вскрикнула, и весло Вамирэха опустилось. На правом берегу реки появились люди. Они были небольшого роста, сутуловатые, и их некрасивые лица несли как бы застывшее выражение печали и приниженности. Тонкие пряди черных волос спускались у них до подбородка. Они были вооружены только палицами.

— Это червоеды,—с отвращением произнесла Элем.— Летом они бродят по лесам и питаются слизняками, скрытыми в раковинах; во время дождей они доходят до морского берега, и ни одно из священных племен не терпит их соседства.

Вамирэх с любопытством смотрел на червоедов, на их выдающиеся челюсти, покатый лоб, переходящий в выпуклые надбровные дуги, несоразмерно большой, тяжелый затылок. При ходьбе их бедра не сгибались, и они должны были опираться на палицу, чтобы придать своей походке больше твердости. Они разыскивали теперь среди водяных растений коренья и плоды с семечками; каждый складывал свою добычу в общую кучу, находившуюся перед вождем. Еще на пути они набрали одностворчатых раковин, съедобной зелени, и куча была уже значительных размеров. Вскоре все собрались вокруг вождя, и он разделил между ними поровну всю добычу.

— Они любят справедливость!— произнес довольный Вамирэх.

Увидя, что червоеды разводят огонь, он, уступая голому сердцу, направил к ним челнок, приветствуя их дружескими жестами.

В первую минуту они встревожились, но скоро успокоились, увидев малочисленность приближающихся людей. Они молча и серьезно рассматривали рослого кочевника и его спутницу. Их поразил огромный рост чело-

века, никогда не виданный ими на востоке; но они скоро почувствовали к нему симпатию, относясь с видимым недоверием к Элем, в которой узнали тип своих жесточайших преследователей.

Среди червоедов не было женщин. Женщины по обыкновению следовали беспорядочной толпой, отдельно, на большом расстоянии от мужчин, и встречались с ними лишь изредка. Это была раса побежденных. Они отодвигались в бесплодные степи или в глубину лесов; слишком слабые и плохо вооруженные для охоты на проворных лесных зверей, они все более и более переходили к растительной пище, искусно разыскивая под землей клубни, распознавая съедобные стебли и корни, собирая запасы из семян арбузов и подсолнечников; они жадно набрасывались на слизняков и занимались скудной рыбной ловлей по берегам морей, где проводили зиму.

Благодаря природной доброте жизнь каждого отдельного лица считалась драгоценной для всех; при дележе добычи соблюдалось строгое равенство, и каждый жертвовал собой для спасения собрата из когтей хищного зверя. И они сохраняли еще власть над львом, медведем, леопардом и даже над людьми низших рас. Но короткоголовые охотники плодородных степей внушали червоедам величайший страх: им приходилось видеть, как их братья тысячами гибли под стрелами и дротиками этих охотников.

Червоеды никогда не подходили к вражескому лагерю ближе, чем на шесть дней пути, и избегали даже встречи с отдельными группами своих недругов.

Вамирэх привлек их своим простодушным смехом и великодушием, с которым предлагал съестные припасы, находившиеся в лодке: ломти оленьего мяса, куски осетрины, утиные яйца. Все это было тщательно разделено поровну между всеми, к большому удовольствию пзанна. Но он удивился еще больше, когда, подарив вождю лисью шкуру, увидел, что тот с серьезным видом разрезал ее на мелкие части и роздал по кусочку каждому из соплеменников. Громкий смех Вамирэха и попытки его объяснить всю нелепость подобного дележа вызвали со стороны червоедов некоторое недоверие; еще заметнее был ужас, какой им внушала Элем; а так как она испытывала к ним отвращение, то Вамирэх, хотя и с сожалением, но решил расстаться с ними.

Он снова сел в лодку, но, отъехав достаточно далеко, спрятался в камышах и оттуда долго еще следил за червоедами, произнося вполголоса какие-то восклицания. Он видел, как они подбавили сучьев в костер и разместились кругом; как потом построили из ветвей легкий шалаш; как туда укрылся их вождь, а сами они уселись под открытым небом на корточки и, уперев локти в колени, закрыв ладонями лицо, заснули.

Вамирэха охватило чувство глубокого сожаления к судьбе этих низших братьев. Пока он высаживался на берег, слова, полные грусти, срывались с его уст. Он был мрачен во время ужина и лишь поздно уснул в ту ночь. Поднявшись на другой день до зари, он наблюдал отправление в путь червоедов. Он видел, как они переправлялись вплавь через реку и исчезали по направлению к востоку. Когда они скрылись из виду, он разбудил свою спутницу и спустил челнок в воду.

Прошло четыре дня трудного пути. В четвертую ночь разразился страшный ураган; деревья валились с треском; на реке вздымались огромные волны; лес трепетал до основания. Укрывшись под навесом скалы, Вамирэх спал мирно и спокойно. Элем провела ночь в молитвах, в обращении к Неведомому. В лесу раздавался свист и неясные крики, похожие на призывы; верхние ветви низко пригибались к земле.

К утру гроза утихла. День наступил ясный, среди облаков показалось солнце, и, пропитанный теплой влагой, лес ожил. По широкой спокойной поверхности многоводной реки, помутневшей от ила, неслись обломки ночного погрома. Рыбы, поднимавшиеся весной вверх по реке, теперь спускались к морю. Они плыли целыми стаями, близко у поверхности воды. Утомленная Элем спала; Вамирэх с радостным сердцем работал веслом, направляя лодку к далекой родине.

Он весь превратился в напряженное внимание, всем существом как бы ушел в жизнь воды и воздуха. Всплески воды и ласкающее прикосновение воздуха погружали его в забытие, перед ним вставали образы отца, матери, его мужественного брата Куни, его сестры, прыгающей, как козочка; он видел себя среди них, представлял свои будущие разговоры с ними.

Около шести часов пополудни обнаружилось тревожное явление, приковавшее все внимание охотника.

XVI

ТРЕВОГА

На берегу реки стали показываться быстроногие, легкие на ходу животные — олени, лани, лоси, полные смещения. Они мчались огромными стадами, охваченные паническим страхом, свойственным травоядным, и вплавь перебирались через реку. К концу дня число их еще более возросло; среди них уже виднелись лошади и туры.

Вамирэх, пораженный этим странным бегством, тщетно искал для нее какого-либо объяснения вроде пожара или переселения. Он перестал грести; Элем шептала заклинания. Бег животных все усиливался. За оленями, быками и лошадьми следовали волки, шакалы и лисицы. Дрожавший всюду кустарник показывал, что бегут и более мелкие животные — зайцы, хорьки, куницы и выдры. Наконец, появились плотоядные: гибкие пантеры, тяжело ступающие медведи. Вдали раздавались крики обезьян, возвещавших опасность подобно несущим часовой; крики неслись, как шум урагана в вершинах деревьев, достигали реки и замирали в неведомой дали.

Наступила чудная ночь; ничто не предсказывало ни грозы, ни другого воздушного явления; но бегство животных, как чудовищная стихийная сила, возбуждало нервы, предвещая что-то ужасное. Все голоса, раздававшиеся в тихий час заката, звучали необычайным страхом, заражая им и окружающих.

Вамирэх понял, что это не страх животных перед природой, а ужас, внушаемый им другими живыми существами, что это бегство слабых перед сильным врагом, бессилие одной породы перед другой, взявшей верх.

Однако необходимо было оградить себя от крайней опасности, укрепиться так, чтобы избежать возможности быть раздавленными слепым натиском травоядных, продолжавших свой бег среди мрака. Вамирэх заметил по середине реки небольшой остров, заросший ясенями; он направил туда лодку и развел там легкий огонь из хвороста. Таким образом, он очутился в безопасности от неожиданного нападения и в положении достаточно удобном, чтобы видеть все происходящее вокруг.

После ужина он и его спутница даже не думали о сне. И вверх и вниз по реке по-прежнему стремился поток животных. Одни отваживались переправляться через реку, другие бежали вдоль берега; в этом последнем движении всего любопытнее было то, что оно совершалось в двух направлениях: животные, выбегавшие из леса налево от острова, направлялись по течению реки, а выбегавшие направо поворачивали вверх по реке, как будто целью их было избежать полосу леса, которая тянулась напротив острова.

XVII

ЧЕРВОЕДЫ

Червоеды шли по направлению к большому озеру. Вообще они были угрюмого нрава, но добывание съестных припасов, в особенности утром, располагало их к веселости. Они рассыпались в разные стороны, и так как каждый имел право на все, что собрал утром, то всякая удачная находка сопровождалась восклицаниями: они с детской радостью показывали друг другу свою добычу — трюфели, улитки, сахаристые корни зонтичных растений, кисловато-сладкие плоды.

Длинные космы черных волос, выдающаяся нижняя часть лица, пучки волос на щеках придавали им сходство скорее с собакой, чем с человеком. Короткие руки, сдавленная с боков грудь, смех, напоминавший собачий лай, еще более усиливали это сходство.

Блуждая по обширным лесам, гоняясь друг за другом среди зарослей, двигаясь с согнутой спиной, а иногда и на четвереньках, червоеды инстинктивно угадывали направление пути. Их язык, ограничивавшийся несколькими звуками, мог выражать только страх, радость, голод, жажду. Для выражения других ощущений и желаний они пользовались знаками; иногда же понимали друг друга как-то инстинктивно, каким-то необъяснимым чутьем.

Старики руководили ими без суровых мер; двое управляли передовым отрядом разведчиков; третий, самый старый, замыкал шествие. Проходя через места, где обитали крупные хищники, вожди пронзительным криком собирали всех вместе. Тогда сознание крепкой связи

между собой возбуждало в них храбрость, и они без страха, с одной палицей, нападали на медведя и леопарда.

После полудня они собирали добычу для всех и съедали ее вечером перед сном. Каждый приносил свою часть, не прикоснувшись к ней. Дележ происходил около ручья или источника; после умеренной еды и питья они погружались в спокойный сон.

Они все шли. Наполненный влажностью лес прикрывал их своей тенью. В них было что-то серьезное и вместе с тем ребяческое; их внимание постоянно чем-нибудь развлекалось, их жалкий смех ежеминутно вспыхивал и замирал, как блуждающие огоньки на болоте; вся жизнь червоедов состояла из кратковременных волнений, зачатков мысли, едва обозначавшихся воспоминаний и соображений. Дождь ли падал на их крепкие головы, холодный ли ветер хлестал их сзади, терновник ли раздирал до крови их ноги, паразиты ли тысячами терзали их кожу,—они все переносили терпеливо. В них жила покорность, переходившая по наследству от поколения к поколению.

С тех пор как появился длиннорукий человек, они в течение веков уже не развивались более, а лишь поддерживали свое существование. На их долю уже ничего не оставалось; вся земля, казалось, отталкивала их. Природа как бы старалась защитить их, утолщая кожу, покрывая шерстью грудь; но круг враждебных рас смыкался около них все теснее, и не было никакого сомнения, что эта несчастная порода людей недолговечна.

В полумраке перелеска им встречались товарищи по переселению, которым они давно уже отвыкли причинять зло. Это были многочисленные стада оленей и шакалов, направлявшихся к югу, и грызуны, двигавшиеся к западу. Они приветствовали возгласами протяжный крик миролюбивого восточного слона и ржание лошадей мелкой породы с большим ртом, воинственные табуны которых перерезывали им путь.

Во вторую ночь их странствования, когда вождь спал в хижине из древесных ветвей, а присевшие на корточки вокруг догорающего костра червоеды ежились от холода, вдруг раздался крик, поднявший всех на ноги. Звук, означавший появление льва, облетел червоедов, и зубы их застучали от страха.

Но вождь собрал вокруг себя наиболее смелых, а затем и прочие окружили его, держа наготове свои дубины. В пространстве, освещенном костром, показался грозный лев и остановился на минуту перед воинственными криками людей.

Однако потому ли, что охота льва была неудачна, или он предпочитал мясо человека всякому другому, но он присел, сделал чудовищный прыжок и бросился на толпу людей. Они подались назад и разомкнули свои ряды, следуя тысячелетней тактике; вслед за тем более пятидесяти палиц опустилось с размаху на череп, морду, глаза и спинной хребет зверя. Лев попятился, приподнялся и тремя ударами когтистых лап опрокинул четверых противников. Остальные, воодушевленные битвой, стали смелее; палицы еще стремительнее обрушивались на окровавленную морду животного, силач отряда одним ударом размогил переднюю лапу, и в то же время десять ударов других смельчаков разбили задние ноги. Победенный лев попытался уползти, но червоеды заградили ему дорогу. Они все разом накинулись на него, и в то время как одни его держали, другие старались его задушить. Это удалось им не вдруг, и на долю многих достались страшные удары, пока, наконец, вождь не воткнул глубоко свою палицу в разинутую пасть; лев захрипел, и тогда ожесточенные враги окончательно добились его.

В этой битве двое лишились жизни, а пятеро были тяжело ранены. Червоеды долго оплакивали своих мертвых товарищей и затем оставили их в лесной чаще; раненые же были окружены внимательными заботами. Когда с наступлением зари червоеды снова пустились в путь, наиболее пострадавших они понесли на руках. Несмотря на потери, они все-таки гордились победой над грозным врагом и радостно несли свои палицы, обмениваясь жестами гордого торжества.

Лес производил на них теперь более приятное впечатление. Их босые ноги быстрее двигались по земле; корпус стал держаться почти прямо; глаза этих обездоленных существ блестели. Несомненно, что сознание возможности победы, самый ничтожный успех благотворно действовали на них; но победы их распространялись только на животных: страх перед короткоголовыми даже на дальнем расстоянии действовал крайне болез-

ненно, заставлял их съезживаться, цепенеть и замирать.

С ранней утренней зари и почти до полудня они шли без всяких приключений. В лесу им попадались лишь безвредные животные. Солнце согревало сочную траву прогалин. Солнечные лучи проникали в самую глубокую чашу и всюду пробуждали жизнь. Червоеды даже запели от радости, которая чувствовалась всюду.

В полдень передовой отряд, состоявший из пятнадцати человек, внезапно очутился в большом дубовом лесу, где росло множество трюфелей. Лес изобиловал кабанами, которые убегали от человека, и легионы мух носились над трюфельными местами. То продвигаясь вперед, то останавливаясь для откапывания трюфелей, передний отряд увидел семью больших обезьян. Эти обезьяны почти никогда не нападали на червоедов, они питали к ним как бы братское чувство, и червоеды видели в них ценных помощников в борьбе с медведем и животными кошачьей породы.

Произошло совещание, на котором червоеды решили послать небольшой отряд к обезьянам, чтобы уверить их в своих миролюбивых намерениях. Посланные радостными криками и доброжелательными знаками привлекли к себе внимание обезьян. Те были в первую минуту поражены, но вскоре узнали союзников; они дали это понять величественными жестами и медленным приближением к ним. Через несколько минут люди и обезьяны сошлись. Червоеды стали предлагать обезьянам трюфели, семечки и съедобные листья. Обезьяны с удовольствием приняли все это, так как они питались той же пищей, что и червоеды.

После этого друзья долго наблюдали друг за другом в глубоком молчании. Червоеды первые стали смеяться и завели игры, а обезьяны все еще оставались серьезными. Однако у одной из них мелькнуло какое-то отдаленное воспоминание, вызванное сходными обстоятельствами. Она с трудом начала объяснять его. Червоеды, наклонившись к ней, слушали, не понимая в чем дело; то же воспоминание ожило и у остальных обезьян, и они присоединились к своему товарищу в попытке что-то объяснить червоедам; это еще более усилило недоумение червоедов. Наконец, одна из обезьян стала собирать сушь и показывать жестами, как поднимается пламя. То-

гда червоеды поняли, что речь идет об огне. Вождь их с гордостью извлек искры из двух кусков сухого дерева. Когда показалось пламя и запрыгали желтые и синие языки, обезьян в первую минуту охватил испуг и смятение, а червоеды громко смеялись.

Они расстались друзьями; червоеды направились на восток, а обезьяны повернули к югу. На прощание они обменялись подарками: червоеды дали обезьянам палицы, а те отдалили их яйцами, похищенными из самых высоких гнезд.

Спустя несколько часов после разлуки червоеды заметили первые признаки бегства животных, которые потом так встревожили Вамирэха. Сперва это были обычные посетители той местности — большерогие олени и кабаны; поэтому появление их не внушило большого беспокойства червоедам; но через несколько часов они увидели других переселявшихся животных, двигавшихся огромными стадами. Тогда и червоеды повернули назад, охваченные паническим страхом.

XVIII

НА ОСТРОВЕ

Элем и Вамирэх разговаривали друг с другом в ожидании развязки необычайного события. Основные понятия языка короткоголовых пзанн уже понимал и находил выражение для них. Но он напрасно расспрашивал обитательницу востока о том, что происходило теперь. В своих воспоминаниях она не находила объяснения. В ее суеверном уме мелькали древние предания о каком-то водяном звере, изгоняющем из лесов всех одушевленных существ, чтобы водворить там человека. Животные были спасены рогатым слоном, царящим в горах; змей, соперник водяного зверя и враг человека, напустил на него питающихся червями нечистых существ, которые должны быть уничтожены священными племенами...

Эти рассказы мало говорили уму Вамирэха и даже возмущали его. Разве человек не живет мясом животных и разве степь и лес не были бы жалки без них? Кроме того, он не в силах был представить себе невидимое существо. Его сомнения несколько поколебали веру

Элем; но она все-таки продолжала лепетать слова молитв, ограждая религиозными обрядами себя и своего спутника.

Внимательно глядя на реку, они ждали наступления ночи. Она постепенно приближалась. В сумраке двигались бегущие животные; резкими линиями обрисовывались их черные тела, круглые или вогнутые, щетинистые или гладкие спины, тонкие и продолговатые или толстые и широкие головы, остроконечные рога оленя, широковетвистые развилины рогов лося, волнующаяся грива лошади, гибкое, змеевидное туловище выдры, тяжело-весная горбатая спина медведя...

Когда надвинулась ночь и мрак постепенно поглотил деревья и реку, наступило затишье. Бегущие животные появлялись реже и реже; вскоре уже не стало видно никого, кроме медленно двигающихся насекомоядных или червеобразных хищников, бежавших из своих недалеких жилищ. Однако напряженное внимание Вамирэха и Элем помогло им уловить отдаленный шум, похожий на завывание волков или плаксивый крик шакалов.

Почти в то же время на высоком берегу появилась многочисленная толпа червоедов. Покрытые грязью и кровью, согбенные, они, казалось, были в полном изнеможении. Они несли на руках множество раненых; не видя возможности переправиться с ними через реку, они приходили в отчаяние. Разведчики заднего отряда ежеминутно выбегали из-за прикрытия, жестами выражая тревогу; но никто не двигался с места, никто не думал переправляться без раненых, и многие мужественно держали палицы наготове для последней борьбы. Тогда Вамирэх вскочил в лодку и направился к ним.

Червоеды узнали белокурого великана, встреченного ими четыре дня назад, и выразили большую радость. Другие, обессиленные усталостью, тупо смотрели на приближающегося человека. Он причалил к берегу и знаками дал понять червоедам, чтобы они двух раненых перенесли к нему в лодку. Те из них, которые помнили его, сознательно исполнили его приказание; другие просто отдавались на волю судьбы. Вамирэх раз пятнадцать переправлялся и возвращался, пока не перевез всех раненых на остров, куда остальные червоеды добрались вплавь. Вамирэх разделил с ними свои съестные припасы. Он убил стрелами трех бежавших ланей и лошадь

мелкой породы с большим ртом. Червоеды, успокоившись, отправились разыскивать добычу и, по указанию охотника, сняли с животных шкуру. Вамирэх чувствовал к ним жалость и огорчился отвращением, с каким относилась к ним Элем. Он старательно принялся перевязывать им раны, затем разместил на ночлег наиболее уставших и, только покончив с этим, направился к Элем, наблюдавшей на другом конце острова за всем происходившим.

Они стали разговаривать шепотом. Элем предлагала тотчас же ночью подняться вверх по реке, но Вамирэх не соглашался, ссылаясь на вчерашний ураган, на вырванные деревья, несущиеся по реке и могущие разбить лодку; он указывал и на червоедов, находившихся под его покровительством. Элем покорилась. Она поместилась в лодке, под покровом медвежьей шкуры. Сам Вамирэх оставался на страже, поддерживая огонь, доканчивая очистку убитых животных, разрезая их на части и поджаривая для сохранения впрок.

Ночной мрак все окутывал кругом; едва можно было различить берега. От времени до времени Вамирэх прислушивался внимательнее. Прежний странный шум, раздававшийся то справа, то слева, теперь становился определеннее. Порой он замирал, но вслед за тем слышался ближе. Легкий ветерок шумел в листьях; отражение пламени костра колебалось на гребнях волн; временами слышно было, как кто-то бросался в воду, слышалось дыхание пловца; потом снова наступала тишина под звездным безлунным небом.

Наконец, на опушке леса показался человеческий силуэт и опять отступил в тень; в ту же минуту вода глухо заволновалась как бы от множества плывущих тел, в воздухе пронесся шум, напоминающий бурю, послышался громкий лай, усиленный эхом, и поток жизни и шума внезапно нарушил безмолвие мрака.

Элем в величайшем смятении подбежала к Вамирэху и прошептала какое-то слово, неизвестное пзанну: она узнала голос собак больших бесплодных равнин. Червоеды также проснулись и все при свете костра разыскивали Вамирэха. Высокий, исполненный достоинства, он старался проникнуть взглядом в ночной мрак, чтобы узнать, какая опасность заставляет трепетать Элем и червоедов.

Когда червоеды, напуганные бегством животных, возвращались медленно к реке, они были настигнуты огромной стаей собак. Обыкновенно собаки не трогали этих древних людей, переселяющиеся отряды которых проходили через поселение собак. Но азиаты уже несколько раз пользовались четвероногими союзниками для преследования кочующих племен; червоеды, опасаясь повторения нападения, поспешно приготовились к обороне. По дороге они встретили толпы собратьев; те пристали к ним, и число их возросло до нескольких сот.

Они энергично защищались, и им несколько раз удалось отразить страшного врага; но во время продолжительной остановки, на расстоянии полудня пути от реки, они снова подверглись нападению. Число их противников постоянно возрастало, и в этой битве червоеды понесли значительные потери. Кроме того, убедившись по медленному движению четвероногих, что их ведут азиаты, они ускорили отступление. Добравшись вечером до берега реки, обремененные ранеными, измученные, они ждали только смерти. Вамирэх спас их...

Испуганные среди сна лаем собак, они бежали к охотнику, как к единственному защитнику. Вамирэх собрал вождей. Он указал каждому из них боевое место на берегу острова и велел собрать своих людей около себя. Вместо всяких объяснений он поднял над головой палицу и опустил ее, разя воображаемого врага. Червоеды вполне понимали его, и все были мужественно настроены возбужденным лицом пзанна, его красивыми глазами, горевшими горделивым блеском, его мощной грудью, высоко поднимавшейся в ожидании битвы. Он приказал усилить огни и снова занял наблюдательное положение. Некоторое время на противоположном берегу было темно, но вскоре огромный костер осветил местность. Тогда вдаль от огня, там, куда едва достигал красноватый свет, Вамирэх увидел собак. Элем настойчиво указывала на них, объясняла, в какие многочисленные стаи собираются они и как бывают свирепы, когда человек становится во главе их.

Пзанн жадно прислушивался к ее словам. Костер обливал ярким светом четвероногих.

Вглядываясь в них и видя, что они своими широкими челюстями, высоким ростом и гибкостью походили более

на гиену, чем на волка, Вамирэх понял, какими опасными противниками они должны быть.

Но его внимание отвлечено было появлением человеческого силуэта, стоявшего перед костром; среди мертвой тишины зазвучал человеческий голос и разнесся над рекой. Вамирэх и Элем узнали голос вождя азиатов. Он говорил:

— Человек неведомых стран, послушай слова того, чьи волосы уже побелели и с кем в уединении говорит дух мудрости. Мои слова говорят о мире. Имея своими союзниками собак, мы можем взирать на войну без страха. Человек с верховьев реки, что можешь ты сделать против бесчисленных легионов животных, которым помогают наши стрелы и наши руки? Согласись на мир. Обменяемся кровью, текущей в наших жилах.

С помощью Элем Вамирэх понял слова старика. Показавшись в свою очередь в свете костра, он громко выразил свое согласие.

— Пзанн приветствует тебя, старец,— он слушает дочь твоего племени и готов обменяться с тобой кровью. Удали животных и пощади жизнь червоедов.

На противоположном берегу три молодых воина приблизились к старику, и в группе короткоголовых завязалось оживленное объяснение. Они не могли брататься с сыновьями змей. Старик склонялся в пользу милосердного отношения к ним; но один из юношей стал говорить о беспощадной воле зверя вод, о законе священных племен, и все, исполненные отвращения и ненависти к презренному племени, перешли на его сторону. Снова вождь выступил вперед.

— Почему человек-брат принимает участие в нечистом существе? Пусть он предоставит эту добычу собаке. Вамирэх возмущился.

— Пзанн не осмелился бы предстать перед прочими пзаннами, если бы покинул своих союзников. Пзанн желает мира, но желает его для всех, находящихся около него.

Новое совещание началось у жителей востока. Все молодые воины, желавшие победы более, чем мирного разрешения дела, склонялись в пользу войны. Вождь не решался прямо противодействовать им, но указывал на силу Вамирэха, на славу, сопряженную с походом к се-

веру после окончания зимы, и на необходимость быть в мире с отдаленными племенами.

Двое юношей были, по-видимому, убеждены его словами, но один упрямо смотрел в землю. Приблизившись к берегу, он натянул лук и произнес:

— Совет говорит: «Пусть твоя стрела никогда не колеблется поразить нечистое существо».

Стрела, описав смертоносную дугу, впиалась в плечо червеода. Крик боли раненого слился с гневным возгласом белокурого великана и с ропотом неодобрения, вырвавшимся у обитателей востока.

— Человек,— закричал старик,— прости пылкость слишком молодой крови!..

Вамирэх возразил, полный негодования:

— Моя кровь также молода, и она не может простить измены!

Он натянул лук, и его стрела неожиданно пронзила грудь зачинщика. Затем он поспешил к раненому червоеду. Его товарищи высасывали кровь из раны, чтобы удалить яд. Вамирэх приготовил противоядие из листьев, пожал из них сок в открытую рану и покрыл ее влажными листьями.

В лагере обитателей востока старик ухаживал за раненым, который продолжал осыпать червоедов бранными словами. Все азиаты были возмущены тем, что кочевник нанес удар человеку, чтобы отомстить за нечистое существо.

XIX

ОСАДА ОСТРОВА

Наступило продолжительное затишье. Обитатели востока перенесли свой костер под защиту кустов. Собак не было видно, но их завывание звучно разносилось по лесу. Червоеды, присев на корточки, опять задремали, кроме нескольких стариков, продолжавших бодрствовать. Вамирэх укрепил убежище Элем при помощи больших ветвей и стал готовить оружие. Дым от костров клубился над рекой среди красных отблесков огня. Ни одного слова о мире не слышалось более. Очевидно, обе стороны готовились к битве.

Не переставая работать, Вамирэх чутко прислушивался и зорко вглядывался. Раз на некотором расстоянии от воды показался силуэт азиата, поднявшийся и исчезнувший в лесу; потом стоя собак подошла к реке напиться; но ничто не указывало на близость нападения. Вамирэх надеялся, что вождь азиатов дождетсся утра, чтобы возобновить переговоры.

Он только что положил возле себя двенадцатую стрелу, пропитанную ядом, как вдруг у азиатов обнаружилось движение: на берегу показалась огромная черная масса тел.

— Эо! эо! — крикнул он, и старики-червоеды бросились будить своих товарищей.

Там, на другом берегу, собаки кинулись в воду, и можно было видеть, как они целыми тысячами плыли к острову, как сверкали фосфорическим светом их глаза

и отливали тусклым блеском мокрые головы. Молчаливые и страшные, они смело подвигались вперед под градом камней, костей и головней, сыпавшихся на них.

Вамирэх, уверившись, что людей нет среди них, бросил лук и взялся за палицу. Элем, вооруженная копьем, могла защищать свое убежище. Червоеды, вооруженные пзанном, занимали твердое положение, сплотившись в небольшие группы, спиной друг к другу, что давало им свободу действовать дубинами.

Собаки не успели еще пристать к берегу, как были встречены такими ударами, что им пришлось отступить. Но вскоре они разделились на два больших отряда, из которых один направился к слабо укрепленному пункту острова, находящемуся под охраной лишь одного Вамирэха, а другой возобновил открытое нападение. Поспешность, с какой червоеды бросились на защиту своего спасителя, едва не доставила успеха этой тактике. Но Вамирэх решительно отклонил их помощь, заставив вернуться на свои места.

Едва отряд, надвигавшийся на него, достиг берега, как сильная рука пзанна произвела среди него страшное опустошение и породила крайнее смятение. Его огромный рост, гигантская палица, его мощный размах, раздроблявший черепа, быстрота движений, властный голос — все это наводило на животных как бы суеверный страх. Охваченные непреодолимым ужасом, они отступили в беспорядке с оглушительным воем. Между тем второму отряду удалось выбраться на берег; но он не мог расстроить тактики червоедов, по-прежнему державшихся группами, стойко защищавшихся. Собаки понесли значительные потери, а среди червоедов человек двадцать уже не в состоянии были участвовать в битве. В итоге животные чувствовали себя побежденными, как вдруг две отравленные стрелы, пущенные с противоположного берега, поразили две жертвы. Это вызвало некоторое замешательство среди червоедов, и несколько групп отступили внутрь острова. Тогда собаки удвоили свою ярость, и в одну минуту число раненых людей возросло в ужасающем размере.

Тем временем Вамирэх заметил азиатов, пускающих стрелы почти без прикрытия, стоя за мелкими деревьями. И он, натянув лук, послал им несколько стрел. Тогда восточные воины вынуждены были отступить за

крупные древесные стволы, откуда их выстрелы стали уже не столь меткими. Они ограничивались громкими поощрениями своих четвероногих союзников, которые отзывались ужасающим лаем и с усиленной яростью нападали на противников. Дело принимало дурной оборот, тем более что отряд, прогнанный Вамирэхом, высадился на противоположном конце острова и должен был подкрепить товарищей. Несчастные червоеды считали свою гибель неизбежной, и их боевой крик превратился в жалобный вопль, напоминавший предсмертные стоны. Но в эту минуту появился великан-охотник, устлая свой путь трупами собак. Животные были охвачены смятением и страхом, узнав в этом голосе и в этой силе голос и силу победоносной расы; перевес оказался на стороне червое-

дов, и собаки снова очутились в воде и возвращались уже в лагерь азиатов.

Глаза червоедов загорелись упоением победы. Обратившись к белокурому гиганту, они запели песнь торжества, и Вамирэх вторил им устрашающими возгласами. На противоположном берегу, у опушки столетних лесов, ответом им служили проклятия обитателей востока и яростный лай собак.

Червоеды поспешно перевязали раненых и для большей безопасности перенесли их поближе к тому месту, где находился шалаш Вамирэха и Элем. Потом они очистили остров от раненых собак; одни из них еще могли добраться до противоположного берега; другие издыхали на месте.

Вамирэх между тем вернулся к своей спутнице. Исполненная отвращения к червоедам, Элем не покидала своего убежища, где ей не пришлось обороняться. Теперь Вамирэх описывал ей победу, число жертв, лютость врагов и говорил о возможности нового столкновения. Она слушала его задумчиво, опечаленная происшедшим, желая близкого мира. Она надеялась, что на рассвете возобновятся переговоры о мире, и Вамирэх поддерживал ее надежду; но он не хотел слышать ни о какой уступке, касающейся червоедов. Наконец, утомленная, Элем уснула. Большинство червоедов тоже спало. Вамирэх продолжал бодрствовать.

XX

ПОРАЖЕНИЕ

Прошел час; звезды, медленно перемещаясь, отражались в спокойной глубине реки; раненые собаки не переставали выть; огни азиатов пылали позади кустов, озаряя черные изгибы ветвей и редкую листву древесных вершин.

Вамирэх подошел к реке и несколько минут оставался там, как бы вызывая примиряющие слова. Вдруг над его головой просвистела стрела. За ней последовали другие; каждая медленно описывала дугу и без всякого вреда падала на середине острова. Он подбирал их, радуясь, что у неприятелей истощается запас оружия. Впрочем, восточные воины скоро поняли невыгодность

такой стрельбы и прекратили ее. На их призывные крики снова появились собаки. Их темная масса копошилась на берегу с бешеным лаем. Неясный человеческий силуэт на минуту поднялся среди них, потом как будто опять опустился; другой показался на берегу, что-то наблюдая; наконец, с реки донесся человеческий голос, очевидно принадлежащий пловцу. Пзанн понял, что на этот раз азиаты сами принимают участие в нападении.

Осада становилась гораздо опаснее. Вамирэх немедленно приказал разбудить всех, вооружил шесть наиболее энергичных стариков крепкими дротиками и острогами с неподвижными наконечниками, а сам, кроме палицы, вооружился еще копьем и стал в удобном месте настороже. Присутствие человека тотчас же принудило к новой тактике: собаки разделились на три отряда, из которых один медленно направился к передней части острова, другой — к оконечности его, где находилась Элем, а третий стал огибать остров с целью произвести нападение с тыла. Тогда Вамирэх, намереваясь сосредоточить оборону, послал часть червоедов навстречу последнему отряду собак и устроил все так, чтобы в случае нужды все могли отступить в его сторону. Держа копые наготове, он ждал нападения.

Обитателей востока не было видно. Они, вероятно, имели в виду руководить приступом, не вмешиваясь в дело до решительной минуты, и с этой целью находились сзади. Быть может, они вычернили себе лица, чтобы их нельзя было различить среди собачьих голов. Передний отряд, преодолевая течение, остановился в десяти метрах от берега, в ожидании сигнала отряда, огибавшего остров. Как только сигнал был подан, все войско разом двинулось на приступ.

Смелость собак, казалось, возросла еще больше. Глаза их светились во мраке голубоватым фосфорическим блеском; клыки их белели. Прежде чем утвердиться на берегу, они понесли значительные потери; но как только им удалось вступить на землю, множество червоедов в передних рядах было передушено; лишь героическая защита товарищей и гибель целых сотен собак спасли червоедов от полного поражения, и битва продолжалась с переменным успехом.

В начале схватки, заметив отсутствие Вамирэха, двое обитателей востока выдвинулись вперед и поддерживали

нападение, сперва действуя стрелами, а потом легкими копьями. Ужас встречи с ними произвел смятение среди червоедов, и они несомненно обратились бы в бегство, если бы шесть стариков, вооруженных острогами и дротиками, не пошли храбро на врагов. Видя, что им угрожает опасность быть окруженными со всех сторон, азиаты поняли, как неблагоприятно было рисковать.

Они отступили, и с этой минуты их участие в битве ограничивалось поощрительными словами собакам и выпусканием стрел.

На стороне Вамирэха собаки, возбужденные голосами, доносившимися издалека, счастливо выбрались на берег. Хотя он и не ждал их, но двинулся к ним с такой силой, что животные, едва выдержав первый натиск, обратились в бегство, оставив без прикрытия восточного воина, вооруженного лишь одним дротиком. Вамирэх с одного удара перебил хрупкую рукоятку неприятельского оружия, потом, схватив врага за шею ниже затылка, опрокинул его на землю и связал, поручив Элем охранять его. Затем он бросился на помощь к своим союзникам.

Победа все еще была на их стороне. Но постепенно пополнявшиеся стаи собак, воодушевляемые голосами азиатов, свирепели все более и более, и легко было предвидеть, что рано или поздно люди выбьются из сил, и тогда гибель их будет неизбежна. Услышав боевой крик Вамирэха, собаки сперва отступили, но потом опять бросились на приступ. Шесть стариков, вооруженных острогами и тонкими дротиками, сплотились еще раз и смело стали лицом к лицу с врагами, готовые поддерживать действия своего защитника. Тот, находясь впереди, пытался добраться до азиатов, но это ему не удалось: собаки стойко сопротивлялись, несмотря на удары его палицы. Кроме того, произошло обстоятельство, которое могло иметь гибельные последствия: червоеды, защищавшие западный берег острова, подались вперед; это положило начало смятению и вызвало необходимость вмешательства Вамирэха.

Борьба происходила во мраке. Восточные воины гасили костры где только могли, чтобы увеличить мужество собак. Червоеды покидали темные места и собирались к горящим кострам, огонь которых тщательно поддерживали. Там стонали многочисленные раненые,

зажимая руками ужасные раны. Собаки массами выступали на свет из темного перелеска. Они приходили в ярость от пронзительных возгласов обитателей востока, поднимавшихся над общим смятением; они гибли сотнями, но все-таки везде прорывались и сеяли ужас.

Червоеды испытывали тревогу уже от одной близости обитателей больших степей; их мужество поддерживалось лишь присутствием Вамирэха; они уже ощущали наступление усталости: руки их медленнее поднимали палицы, и они невольно скоплялись в большие группы. Вамирэх это заметил и с невероятным усилием выдвинулся вперед, заставив собак попятиться; потом он знаком подозвал к себе стариков, вооруженных острогами и дротиками. Они приблизились к нему, и наиболее крепкие из них во всем брали с него пример. С этой минуты небольшая сплоченная группа почти одна выносила всю тяжесть защиты; остальные убивали лишь отдельных, слишком зарвавшихся собак и отражали боковые нападения.

Пользуясь минутным затишьем, Вамирэх позаботился, чтобы огней было разведено как можно больше, и вскоре ряд пылающих костров явился охраной для осажденных. Пламя перешло даже на сухую траву, на кустарники и рощи и зажгло мелкие деревца, образовав пылающую преграду, позади которой Вамирэх и его союзники могли, наконец, перевести дух.

Страх охватил собак; восточные воины, зная нрав этих животных, решили обогнуть преграду. Вамирэх, предвидя это движение, разместил более трехсот червоедов в главных проходах; по его приказанию, они пытались зажечь костры, перенося пылающие головни вместе с хворостом; но огонь не успел разгореться до появления собак.

Слабый вначале натиск четвероногих сделался отчаяннее с приближением азиатов. Многие из червоедов, донельзя утомленные, бросили палицы и, уступая животному инстинкту, стали на четвереньки и защищались когтями и зубами. В первую минуту новый маневр озадачил собак; но вскоре он оказался выгодным для них, в особенности из-за их численности, позволявшей им нападать втроем или вчетвером на одного человека.

В эту минуту Элем пришла на помощь Вамирэху, и ее слова оказывались действительнее ударов. Узнав в

ней представительницу дружелюбной расы, собаки, очевидно, были сбиты с толку, и понадобилось вмешательство восточных воинов, чтобы заставить их возобновить нападение. В битве, завязавшейся снова, две стрелы задели голову и плечо пзанна, и копье пронзило грудь червоеда, находившегося вблизи Вамирэха.

Он понял, что в него целятся из темноты и что ему не справиться с собаками, пока не удастся вытеснить с острова восточных воинов. Поэтому, собрав около себя червоедов и посоветовав Элем укрыться в безопасное место и действовать оттуда словами, он исчез в кустах.

Он шел на голос азиатов и через несколько минут очутился возле них. Они были окружены собаками, готовыми броситься в бой — свежими войсками, находившимися в резерве для крайнего случая. Собаки почуяли Вамирэха и выдали его присутствие. Но он быстро очутился среди них, приводя в расстройство их ряды своими ужасными ударами, и был уже вблизи азиатов. Тогда старик и юноша бросились бежать, метнув только дротиками и оставив свои стрелы. Вамирэх настиг их и поднял палицу, но она рассекла лишь воздух; проворные, как пантеры, азиаты уклонились от удара. От толчка оружие выпало из рук Вамирэха, но он ударом кулака свалил на землю молодого воина; в эту минуту старик поднял на него дротик, и их взгляды встретились.

— Я знаю, ты добр, — сказал Вамирэх, — я не хочу лишать тебя жизни.

Вождь, ничего не отвечая, продолжал отступать держа копье наготове, пока молодой товарищ не встал на ноги; тогда только он опять бросился бежать. Вамирэх догнал их у берега, сбросил в воду молодого воина, завладел дротиком старика и его заставил также пуститься в плавь.

Увидя отступление людей, собаки отчаянно завывали. Смятение среди них распространилось и на отдаленные отряды. Ободренные червоеди перешли в наступление; стаи собак отхлынули в беспорядке и вскоре обратились в бегство. Вамирэх и его союзники остались хозяевами острова. Тысячи собак погибли в бою, а из восточных воинов оставались только трое.

XXI

ПОЖАР

Остров пылал... Ветер гнал огонь в таком направлении, что на том конце, где находилось убежище Элем, можно было расположиться безопасно. Все червоеди сгруппировались там и перенесли туда своих раненых. Элем, тронутая мужеством этих жалких людей и услугами, какие они оказали Вамирэху, поборола в себе отвращение к ним и помогала перевязывать раны. По их печальным, утомленным лицам пробегало выражение радости всякий раз, когда мимо них проходил Вамирэх или его

спутница. Большинство червоедов уснуло в любимой позе, и среди тяжелого сна они еще переживали кошмар битвы, испуская крики, глухо завывая, поднимая обезумевшие от страха лица, выдвигая широкие челюсти.

Вамирэх отыскал пленного азиата. После упорных, но бесполезных попыток разорвать свои узы, восточный воин, катаясь по земле, добрался до берега реки, где старался перегрызть ремни, стягивавшие ему ноги. Но он не успел кончить эту работу до появления Вамирэха.

Пламя поднималось, прорезывая ночной мрак. Птицы, гнездившиеся в верхних ветвях, носились по освещенному пространству; звезды исчезали за клубами дыма, озаренными снизу и казавшимися белыми облаками, сквозь которые местами виднелись просветы, глубокие, как пропасти. Гонимые ветром, клубы дыма вытягивались в длинную волнистую пену, опускались, трепетали, как живые, или, угасая, напоминали мгновенно разрушавшиеся большие скалы. Пылающие ярко-красные языки опять появлялись с горделивым торжеством, трещали сухие древесные ветви, а с вершин медленно падали обильные искры. На зеркальной поверхности воды отражалась вся эта величественная картина.

Восточные воины, поместившись за деревьями на берегу, смотрели, как горел остров. Их положение далеко не было выгодным. Они тщетно пытались принудить собак к третьему приступу. У азиатов оружия уже не было, за исключением того, которое оставалось у раненого и которое надо было беречь для последней обороны. Молодые воины тревожились за участь своего исчезнувшего товарища; опасаясь, что собаки покинут их, они видели возможность близкой гибели и раскаивались, что не доверились мудрости своего вождя. Старик, полный смирения перед судьбой, молчал, склонившись над огнем с выражением печали на серьезном лице. Юноши покорно обратились к нему и заговорили о своей тревоге, о необходимости примириться с врагом. Он долго молча слушал их и, наконец, произнес:

— Молодые люди! По совету мудрости, переходящей от отца к сыну, мир следует предлагать в начале войны, когда войско еще сильно, исход угадать еще нельзя и когда это не влечет за собой унижения. Но та же мудрость учит, что в час поражения следует умереть, а не подвергать себя насмешкам победителя. В час ми-

ра вы хотели войны; в час войны вы хотите мира. Возможно, что наш враг, который, как видно по всему, соединяет мудрость с храбростью, предпочтет мир случайностям битвы. Быть может, огонь заставит его покинуть остров и, если он хочет говорить, он заговорит тогда. В противном случае мы должны будем готовиться к битве, к смерти или к бегству.

Бледная лиловатая заря окрасила восток. Огонь пылал еще ярче, словно боясь наступления дня, который затмит его блеск, высоко поднимался, перескакивал по вершинам деревьев, ревел, как стадо буйволов, застигнутое хищниками, или издавал сухой и жесткий треск, напоминавший шум, производимый тучами саранчи, поедающей злаки. Пламя яркими спиралями обвивало толстые стволы, добиралось до листьев, которые сначала съеживались, затем вспыхивали и колебались от утреннего ветерка, как дневные бабочки или рои ос.

Становилось жарко; червоточины, тревожимые во сне, отодвигались все дальше к крайней оконечности острова. Вамирэх задумчиво смотрел на пожар. Его лодка и оружие были в безопасности. Элем спала в своем убежище. Маленькая обезьянка сидела, уцепившись за ветки; она не спала, как и ее хозяин, испуганная ярким светом и шумом.

Между тем огонь уничтожал уже толстые сучья, и головешки становились все крупнее. Они описывали короткие дуги, разгораясь на лету от движения воздуха, производимого их падением, и светя дрожащим блеском, подобно звездам. Во время падения они казались воздушными и легкими, но, опускаясь на землю, они с силой и треском ударялись, дробились, рассыпая вокруг себя яркие искры.

Пзани развязал ноги пленника и разбудил Элем, чтобы она могла служить посредницей между ними.

— Спроси твоего брата,— сказал он ей,— не думает ли он, что настал час заключить мир?

— Я не боюсь смерти,— ответил воин.

— Я знаю, что ты храбр,— возразил Вамирэх,— но того нельзя назвать трусом, кто спасает себя, спасая своих собратьев.

— Мои братья не побеждены!

— Да,— сказал Вамирэх,— но их только двое, а животные научились бояться нас.

Наступило продолжительное молчание; пленник погрузился в думу.

Заря загоралась ярче; нежная окраска лазури перешла в бронзовый цвет; кругом царил туманный полусвет, в котором выделялся только горизонт реки. Деревья, небо, низкие берега — все казалось необыкновенно свежим по сравнению с сухостью колеблющегося огня. Вамирэху хотелось снова пуститься в путь по зеленой поверхности вод, подниматься вверх по громадной реке, с ее лесами, скалами, широкими устьями притоков, с ревом водопадов, с тихим журчанием маленьких каскадов, стремительным течением порогов, со светлыми, широкими проливами...

Между тем пламя оканчивало свое жестокое дело, бледнее в зарождающемся свете дня, то судорожно вспыхивая огромными языками, то расстилаясь по тонкой сети веток.

Вдали в глубине леса слышался лай убегающих собак, и эти звуки вывели пленника из задумчивости. Он видел, что Вамирэх догадывается об отступлении животных и понимает возможность взять верх над неприятельским лагерем.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он пзанна.

— Чтобы ты говорил с твоими братьями, — ответил Вамирэх.

Азиат поднялся и, направившись в сопровождении Вамирэха и Элем к берегу острова, испустил призывный крик своего племени:

— Ре-ха! ре-ха!

Вождь короткоголовых тотчас же вышел из-за прикрытия в сопровождении молодого воина.

— Наш брат в плену у человека неведомых стран?

— Да, он в плену.

— Хочет ли он от нас помощи или отмщения?

— Нет, человек с верховьев реки просит мира.

— Тогда пусть он развяжет твои руки, потому что мудрость требует, чтобы ты говорил об этом, будучи человеком свободным.

Восточный воин передал Вамирэху желание старика. Пзанн колебался с минуту, опасаясь измены, но затем не говоря ни слова развязал его узы. Пленник не двинулся с места и, храня серьезный вид, только поднял руки над головой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В проходах среди островов, по широким, светлым проливам лодка неслась вверх по реке, вздувшейся от ливней. Элем и крошечная обезьянка играли или спали в челноке, а Вамирэх работал веслами целые дни.

Мир с обитателями востока был заключен. Собаки снова удалились в бесплодные степи, окруженные лесами; бедные червоеди могли совершить свое переселение к великим озерам. Азиаты вскрыли себе жилы на руке, и их кровь смешалась с кровью Вамирэха. Старик от имени священных племен отказался от всяких враждебных действий, а Вамирэх обещал поддерживать мир от имени западных кочевников. Весной будущего года, в третий месяц после равноденствия, пзанны выберут тридцать предприимчивых охотников и пошлют их под предводительством Вамирэха навстречу такому же числу союзников с мудрым стариком во главе.

Поднимал ли ветер волны на реке, бороздил ли дождь поверхность воды, на которой подпрыгивали мелкие пузыри, челнок все продолжал свой путь к западу, от зари до сумерек. Мычание оленей, крик мамонтов, рокочущий голос львов встречали человека-врага в его хрупком челноке, неслись за ним среди островов, под тенью деревьев, по широким, светлым проливам.

Вамирэх думал о червоедах, об их глубокой грусти в час расставания, об их тупых лицах, о лающих звуках, которыми у них выражался смех и плач, о выражении бесконечной благодарности в их глазах и о том, как они долго стояли подле него, прежде чем решились уйти. С вершины небольшого холма он послал им дружеский прощальный привет, на который они ответили своей жалкой походной песней.

Твердые в своем братском союзе, который один поддерживал их против крупных хищников и остальных людей, они уносили на руках своих раненых...

Неделя проходила за неделей среди островов и широких, светлых проливов, иногда солнце обдавало своей горячей лаской, иногда поднимался ветер, суровый бич зимы, или же разражался бешеный шквал. Тогда при-

ходилоь останавливаться в бухтах или укрываться в пещерах, пока не прояснялось небо.

Грудь Вамирэха вздымалась от чувства гордости при мысли, что ему удалось победить коварство природы, нападения хищных зверей и хитрость человека. Он снова вспомнил, как Тах, старец, переживший сто двадцать зим, рассказывал при вечернем огне о разрушении гор, о трещинах в почве, о бездне, всосавшей воду великих озер. Он казался себе более великим, чем Гарм. В теплые вечера столетние старцы будут рассказывать историю его путешествия, и она заставит трепетать сердца юношей, когда они услышат о злобности пресмыкающихся, о свирепости хищных зверей, о лесном человеке, о новой стране, об Элем, о червоедах. И эти старцы скажут, что нужна непоколебимая воля, чтобы победить тоску по родине и ужас долгого одиночества.

Небо все реже посылает ласковые солнечные лучи, все чаще разражаются жестокие ливни; река кажется то зеленой, то илистой; течение становится быстрее, опять попадают пороги и водопады, челнок быстро несется вперед, и Вамирэх неумоимо правит веслом.

Уже чувствовалось приближение дождей. Но племя, укрывшись в пещерах высоких местностей, не покинет травянистых степей юго-востока до середины осени, и Вамирэх увидит своих родителей, Зома и Намиру, своих храбрых братьев и свою сестру, прыгающую, как козочка. И он, уважающий стариков, смиренно приведет к ним свою жену, дочь племени далекой страны.

1 р. 50 к.

ГЕОГРАФИЗ • 1959